Восхождение на пик Сталина

С А О Г И З

Ответственный редактор Л. Д. Векслер

Техн. редактор С. И. Раков

Сдано в производство 1/VI 1934 г .

Подписано к печати *22/* VI 1934 г .

Формат 72x105 $^{1}/_{32}$. Об'ем $2^{1}/_{8}$ п. л. 65.000 зн. в п. л.

Тираж 10.000 экз. Узлит 62. Зак. 1312.

Типо-литография «Правда Востока»

I

Далеко на юго-восток от Москвы лежит Таджикистан — самая молодая советская Республика1/. Географически он может быть разделен на две части. Восточную его половину занимает высокогорное плато Памир — «Крыша мира». Это гигантское плато, расположенное на высоте от 2,5 до 4 тыс. метров над уровнем моря, представляет собой величайший в мире горный узел. Если посмотреть на географическую карту, Памир кажется как бы головой огромного спрута. Во все стороны от него щупальцами расходятся величайшие горные цепи. Каракорум соединяет Памир с горами Тибета и Индо-Китая, Алайский хребет – с системой Тянь-Шаня; мощная цепь Гиндукуша отходит от Памира в Афганистан.

Несколько миллионов лет тому назад, в начале третичного периода, весь Памир был покрыт гигантскими ледниками. Затем наступило потепление, ледники отступили и

сохранились лишь на больших высотах. Линия вечного снега лежит на Памире на уровне около 4% тыс. метров.

Величественный пейзаж восточного Памира до сих пор сохранил яркий отпечаток ледникового периода. Огромные корытообразные долины с плоским дном и отвесными стенами, представляющие собой ложа бывших ледников, прорезают здесь Памирское плоскогорье в разных направлениях. Крутые края этих долин часто отполированы льдом древних глетчеров, и признаки древних оледенений можно нередко найти на высоте около километра над дном долины.

В юго-западной части Памира этот ледниковый ландшафт подвергся разрушительному влиянию водных сил. Стремительные горные потоки изрезали широкие ледниковые долины, образовали в них узкие и глубокие каньоны, в которых реки бушуют перекатами и водоворотами.

Западная часть Памира еще и до сих пор в значительной степени покрыта огромными глетчерами. Это страна камня, льда и фирна (плотно слежавшийся снег).

Памир представляет собой не только величайший в мире горный узел. Его окаймленный снежными хребтами квадрат врезается клином в территорию Китая, Индии и Афганистана. Он является нашим форпостом в Средней Азии, вокруг него скрещиваются враждебные нам политические влияния империалистических держав.

К Западу от Памира лежит территория Таджикистана, входившая до бухарской революции 1920 г . в состав эмирства бухарского под названием Восточной Бухары. Он представляет собой ряд широтных долин, разделенных высокими снеговыми хребтами: Туркестанским, Гиссарским, Зеравшанским. Климат этих долин почти субтропический. Их лессовая почва отличается необычайным плодородием. Там, где земля орошена системой арыков, труд человека щедро вознаграждается обильными урожаями ценнейших сортов египетского хлопка, фруктов, пшеницы. В некоторых долинах имеются большие площади, покрытые зарослями дикорастущих грецких орехов и фисташковыми рощами.

Вся эта территория до революции находилась под гнетом царского правительства феодальной монархии эмирства Бухарского. Восточной Бухарой управляли беки, полуразрушенные глиняные замки которых можно видеть и сейчас в разных местах страны.

Близость Памира и Таджикистана к границе и недостаточная классовая дифференциация местного населения обусловила исключительное упорство и длительность гражданской войны и территории теперешнего Таджикистана. Красной Армии и трудящимся массам страны приходилось иметь дело не только с внутренней контрреволюцией, но и с зарубежными басмаческими бандами, организованными и снаряженными иностранными империалистами, а также с войсками Энвер-паши, бывшего младотурецкого министра, пытавшегося создать здесь панисламское государство. Поэтому Таджикистан последним вступил в строй советских республик.

Разоренная кровавыми нашествиями басмачей и банд Энвер-паши, страна лежала в развалинах. Царская власть и власть мусульманского духовенства оставили своим наследием почти поголовную безграмотность. Целые области страны оставались неисследованными, обозначались на географической карте белыми пятнами. Страна почти не знала дорог. Во многих горных кишлаках Дарваза и Памира население никогда не видело колеса. Путями сообщения в горных местностях служили головокружительные овринги2/, — укрепленные на скалистых обрывах.

После революции раскрепощенный Таджикистан начинает стремительно возрождаться к новой жизни. На месте разрушенного бандами Энвер-паши кишлака Дю-шамбе возник новый социалистический город Сталинабад, превращающийся постепенно в политический и культурный центр страны. В Сталинабаде возникли учебные заведения, научно-исследовательские институты. Шоссейные дороги разбегаются от него радиусами во все стороны. По всей стране организуется сеть воздушных линий. Сотни школ и больниц строятся в далеких кишлаках. Ликвидируется неграмотность, создается национальная интеллигенция, женщина завоевывает себе равноправие, становится в ряды строителей нового Таджикистана.

Возникает вопрос о систематическом изучении трудно доступных районов Таджикистана, об исследовании его производительных сил.

Первой большой экспедицией, исследовавшей Таджикистан, была советско-германская экспедиция 1928 г ., проникшая в неисследованную область Западного Памира и положившая начало ее расшифровке.

В последующие годы несколько отдельных научных экспедиций были снаряжены в различные части Памира и Таджикистана.

За это время в Средней Азии были установлены *факты,* опровергавшие господствовавшие ранее геологические теории **Делонэ**, **Мерцбахера** и Вебера. Эти теории, предполагавшие, что горные районы Памира и Таджикистана созданы очень древними процессами горообразования, отрицали возможность нахождения в них больших горнорудных богатств. Открытие Алмалыкской меди, полиметаллов Кара-Мазара, Хайдарканской ртути и Гаурдакских серных месторождений повело к пересмотру этих теорий и дало основание предполагать наличие в Средней Азии больших запасов ценных ископаемых.

Это ставило вопрос об организации крупных геологических экспедиций, о всестороннем исследовании страны. Этот же вопрос выдвигался и всем ходом экономического развития Советского союза.

Пятилетка поставила перед Таджикистаном проблему индустриализации, проблему создания промышленности. Это вызвало необходимость в нахождении местной сырьевой базы. Надо было заставить недра Таджикистана возможно скорее отдать социалистическому строительству свои скрытые богатства. Исследование недр Таджикистана, расшифровка белых пятен на карте не могли производиться обычными мерными темпами Союзгеологоразведки. СССР догонял передовые страны Европы и Америку. Таджикистан, наиболее отсталая из советских республик, должен был догонять Советский союз. Разведка недр и исследование страны надо было производить чрезвычайно быстро. Надо было привлечь на помощь крупнейших советских ученых, лучшие исследовательские силы, опыт и энергию крупнейших изыскателей.

Эта задача была разрешена в 1932 г . организацией большой комплексной экспедиции с участием ученых Москвы, Ленинграда, Ташкента.

Таджикская комплексная экспедиция (ТКЭ) 1932 г . объединила в едином плане и под единым руководством все основные научно-исследовательские работы по изучению производительных сил Таджикистана. В организации ТКЭ приняли участие следующие учреждения Академии наук: Геохимический ин-т, Сейсмологический ин-т, ин-т по изучению народов, Таджикская база, Музей антропологии и этнографии. Ботанический и Зоологический ин-ты. Кроме того, в ТКЭ участвовали Гидрометкомитет СССР, Комитет по проведению II Международного полярного года, Союзгеоразведка, Главэнерго, Южцветмет-золото, ЦНИГРИ Гидрологический и Гидротехнический ин-ты, ин-т прикладной минералогии, Всесоюзный ин-т растениеводства, Комакадемия, Таджикская богарная станция, Научноисслед. ин-т по тяжелой промышленности и ряд хозяйственных организаций. Деятельное участие в экспедиции приняло ОПТЭ, выделившее в ее состав лучших альпинистов во главе с **Н.В. Крыленко**.

Уже один перечень учреждений, участвовавших в организации ТКЭ, показывает, как широка была программа ее работ. Она должна была всесторонне изучить производительные силы Таджикистана.

Отряды экспедиции опирались на базы в Оше, Сталинабаде, Самарканде и Пенджикенте. Отсюда они покрыли сетью своих маршрутов весь Таджикистан и Памир. Они проникали в горы и ущелья Туркестанского и Зеравшанского хребтов, в знойные джунгли южного Таджикистана, на пустынное плато Памира, в ледники и на перевалы Дарваза, исследуя недра земли, течение рек, изучая растительность страны и жизнь ее населения.

Одновременно с научными исследованиями отряды экспедиции вели в населенных пунктах культурно-просветительную работу, делали доклады, раз'ясняя значение экспедиции, вели антирелигиозную пропаганду. Местное население втягивалось в работу экспедиции и принимало участие в поисковых работах.

Опасности и исключительно трудные местные условия не останавливали исследователей. Участники отрядов, работавших в Центральном Таджикистане, почти поголовно болели малярией. В долине Кудары в отряде Андреева погиб от горного обвала прораб Масловский.

297 научных работников приняли участие *в* экспедиции. Они исследовали площадь около 100000 кв. км. Такова же, примерно, протяженность маршрутов всех ее отрядов.

Исследования ТКЭ преемственно продолжались в 1933 г . Экспедиция была переименована в Таджикско-Памирскую (ТПЭ). Программа ее работы была несколько специализирована. Вопросы сельского хозяйства и этнографии были исключены. Экспедиция сосредоточила свое внимание на исследованиях геологических, геохимических, метеорологических, географических, гляциологических, энергетических и ирригационный. В основном она производила более углубленное исследование об'ектов, выявленных предыдущими экспедициями.

Работами экспедиций намечены основные народно-хозяйственные контуры Таджикистана, выявлено много об'ектов для промышленной разработки, дана наметка перспектив хозяйственного развития страны. Но говорить о том, что Таджикистан, изучен достаточно, не приходится. Впереди еще огромная многолетняя работа.

В Северном Таджикистане основным об'ектом исследования явились полиметаллические руды карамазар-ского месторождения (к северу от Ходжента). Эти руды отличаются чрезвычайной сложностью и содержат, кроме основных слагаемых свинца, цинка и серебра—многие редкие элементы—радий, уран, висмут, вольфрам и др. Карамазарские руды до сих пор использовывались главным образом, как сырье для Чимкентского завода свинца. Ценнейшие составные часта руды оставались в отвалах. Между тем, исследования отрядов и бригад ТКЭ и ТПЭ показали, что Карамазарское месторождение представляет собой только маленькую часть большой полиметаллической провинции, в которой редкие элементы будут играть не меньшую роль, чем полиметаллы. Достаточно указать на открытое Средазредметразведкой в 1933 г . в восточной части Кара-Мазара мировое месторождение висмута.

Кара-Мазар ставит перед нашей наукой не только проблему дальнейшего изучения геологии района, но и проблему правильного использования сложных руд, проблему разработки такого технологического процесса, посредством которого можно было бы извлекать из руд все ценные составные части.

С целью детального и систематического изучения Кара-Мазара в Ходженте организована геохимическая лаборатория — филиал Таджикской базы Академии наук.

Наряду с этим в северном Таджикистане должны пойти в разработку поваренная соль озера Ан-Сыкен и селитра Исфары.

Реки северных склонов Туркестанского хребта и угли Шураба дадут району необходимые энергетические ресурсы.

В Пенджикентском районе выявлены Кштутские месторождения коксующихся углей.

В Сталинабадском районе наиболее заманчивой является проблема фосфоритов Каратага. Запасы этих фосфоритов исчисляются сталинабадскими геологами в миллионы тонн. Если эти расчеты подтвердятся, то сельское хозяйство Средней Азии будет полностью обеспечено удобрениями.

Район Дурваза перспективен по золоту и меди. Однако, здесь, прежде чем говорить о промышленных разработках и даже о детальных исследованиях, необходимо провести ряд мероприятий по дорожному строительству.

Южный Таджикистан богат залежами соли. Здесь на первом месте стоит район Куляба, где только в двух месторождениях—Хаджа-Мумын и Хаджа Саркис—надземные запасы определяются в 50 миллиардов тонн.

Основным богатством горных недр Памира является золото. Работами экспедиций обнаружено два золотоносных пояса. Северный пояс тянется большой дугой от границы западного Китая вдоль южных склонов Заалайского хребта, пересекает хребет Академии наук в районе пика Рудзутака и загибает на юг, уходя в Афганистан. Меньшая южная дуга выходит из-за границы западного Китая около озера Ранг-Куль и идет на запад вдоль хребта Музкол.

В Южном Памире намечается большая область распространения редких элементов монацита и циркона.

Одни только месторождения Баш-Гумбезской долины дают запасы моноцита в 15.000 т. и циркона в 9.000 т.

В Средней Азии имеется три нефтеносных района — Туркменский, Бухарский и Ферганский. Последние два частично расположены на территории Таджикистана. Наиболее изучен Ферганский район, захватывающий в Таджикистане территорию между Ходжентом и Каны-Бадамом.

Таджикистан исключительно богат водной энергией. Это—участок самых крупных концентрированных гидроэнергетических ресурсов Союза. Реки, стекающие с западных склонов хребта Академии наук и склонов хребта Петра Первого, обладают запасом энергии приблизительно в 15 мл. квт., т. е. в несколько десятков Днепростроев.

Отрядами ТКЭ и ТПЭ обследованы ряд рек, главным образом, притоков Вахша и намечены места постройки гидроэлектроустановок.

Много сделано в области изучения вопросов ирригации.

Из работ ТПЭ 1933 г . особо следует отметить следующее:

1. Отрядами Ионина и Соседко обнаружены крупные месторождения олова. Намечается целая область олово носных земель длиной в 800 км , тянущаяся от истоков реки Зеравшан через горы Нур-Ата до гор Султан-Уиз-Даг, упирающихся в реку Аму-Дарью. Месторождения олова в верховьях Исфары переданы в промышленную разведку.

2. В той же зоне западнее отрядом Соседко обнаружены бериллы и колумбит. Эти же редкие элементы найдены Иониным в верховьях Ляйляка. Отрядом Зильберминца в горах Кара-Тюбе к югу от Самарканда обнаружен вольфрам.

3. Геолог Иванова обнаружила месторождения сурьмы в районе озера Маргузар в Зеравшанском хребте.

4. В районе Такоба в 50 км к СВ от Сталинабада найден плавиковый шпат.

5. Отрядом Соболевского у урочища Кули-колон в районе Зеравшана открыто месторождение исключитель ного по качеству оптического флюорита, применяемого для изготовления оптических линз.

6. Открыты новые россыпи золота и месторождение циркона и монацита на Памире.

В 1934 г . ТПЭ будет продолжать свои работы в расширенном об'еме. Она распространит свою деятельность частично и на прилегающие к Таджикистану республики.

II

Исключительное значение имеют географические работы Таджикско-Памирской экспедиции в области расшифровки белого пятна Западного Памира. Впервые в этот неисследованный край проникла советско-германская памирская экспедиция 1928 г . Экспедиция была сформирована под общим руководством Н.П. Горбунова и включала в свой состав ряд первокласных советских и германских ученых и альпинистов. Экспедиция проникла в неисследованную область

Западного Памира с востока, с легендарного озера Кара-Куль по огромному леднику Танымас, что значит по-таджикски—«ты меня не узнаешь».

Участники экспедиции рассчитывали выйти по Таны-масу к западному краю Памирского плато, к обрывам и спускам, ведущим в Дарваз, в цветущие долины Таджикистана. Но когда они прошли Танымас, перед ними открылся недвижимый ледяной поток гигантского глетчера трехкилометровой ширины. Этот глетчер, имевший в длину около 80 км и оказавшийся величайшим ледником в мире, получил название ледника Федченко. По другую сторону глетчера участники экспедиции увидели грозный строй снежных вершин, из которых многие превышали высоту в 6.000 м . И над всеми этими вершинами огромным снежным шатром трапецеидальной формы высилась гора, высоту, которой немецкий геодезист Финстервальдер определил в 7495 м . (высота Монблана—4800, высота Эльбруса—5690).

Вновь открытая горная цепь получила название хребта Академии наук. Высочайшую вершину этого хребта Финстервальдер принял за пик Гармо, хорошо видимый с запада. Смущала разница высот. Пик Гармо до сих пор определялся в 6615 м . Так создалась загадка узла Гармо.

В последующие годы ряд альпинистических экспедиций, возглавлявшихся Н. В. Крыленко и Н. П. Горбуновым, упорно работали над расшифровкой этой загадки. Отряд Крыленко проникал в неисследованную область с запада, со стороны Дарваза, преодолевая труднейшие глетчеры и перевалы хребта Петра Великого, расположенного к юго-западу от хребта Академии наук. Отряд Горбунова штурмовал белое пятно с востока.

Летом 1932 г . решено было сомкнуть карту неисследованной области и окончательно расшифровать загадку пика Гармо. Для этого Н. В. Крыленко должен был с запада, а **Н. П. Горбунов** с востока подняться на южное плечо пика Гармо. Здесь оба отряда должны были встретиться.

Н. В. Крыленко выполнил взятую на себе задачу; он поднялся не только на южное, но и на северное плечо пика Гармо. С северного плеча он увидел спуск на восток, который казался хотя и трудным, но вполне возможным.

Н. В. Горбунову не удалось подняться на южное плечо пика Гармо с востока. Его группа встретила непреодолимые лавинные склоны и вынуждена была отступить.

Тогда Н. П. Горбунов решил произвести разведку пути на вершину пика. Для этого совместно с альпинистами Гетье и **Харлампиевым** старшем, он поднялся по большому леднику, вытекающему из мульды (закрытая ложбина в массиве горы) между южным и восточным ребром пика до высоты 5200-5300 м . Здесь на крутом ледяном гребне, возвышавшемся на 20- 25 м над ледником, группа переночевала и утром едва не была сметена гигантской лавиной.

Поднявшись затем по скалам на высоту 5.600 м группа, оказалась у подножья крутого восточного ребра, уходившего вверх приблизительно на 800 м . Это ребро представляло огромные трудности. Шесть жандармов (скалы, или скалистые массивы), преграждающие путь, возвышались на нем один за другим, снежные переходы, между ними были нередко не шире ладони, по обе стороны резверзались километровые кручи.

Жандармы были страшны не только своей крутизной, но и предательской рыхлистостью породы. Выветрившиеся сланцы скал рассыпались при малейшем прикосновении. Каждый камень, каждый выступ, на который ступала нога альпиниста или за которую хваталась его рука, грозили податься, сдвинуться с места, покатиться вниз, увлекая за собой целую лавину камней.

Но путь по восточному ребру был единственным путем к вершине. Он выводил к огромным зерновым полям, где вряд ли могли встретиться непреодолимые затруднения.

Горбунов и Гетье поднялись по ребру до промежутка между вторым и третьим жандармами. Итти дальше было невозможно. Восхождение на вершину не входило в план

экспедиции и поэтому не было подготовлено. Кроме того, был уже конец сентября, и начались осенние бураны и морозы. Горбунов и Гетье исследовали в бинокль остальные жандармы и пришли к выводу,' что они, хотя и очень трудны, но все же проходимы. Они исследовали также северное плечо, соединявшее пик Гармо с соседним пиком Орджоникидзе. Это плечо представляло собой совершенно отвесную скалу, высотой около полутора километров, изрезанное светлыми прожилками снега.

Вернувшись в Москву, Н. В. Крыленко и Н. П. Горбунов сопоставили результаты своих экспедиций. Стало совершенно ясным, что они подымались на различные горы и, что гигантская вершина, обнаруженная Финстервальдером и принятая им за пик Гармо, является на самом деле другой, до сих пор неизвестной горой, расположенной в 20- 25 км к северу (по воздушной линии) от пика Гармо. Таким образом только в 1932 г . была открыта высочайшая вершина СССР, получившая название пика Сталина. До этого времени высочайшей вершиной СССР считался пик Ленина (7.215 м) в Заалайском хребте, окаймляющем Памир с севера.

Район хребта Академии наук и хребта Петра Первого представляет собой большой научный интерес. Эти хребты образуют своеобразный метеорологический рубеж. Влага западных ветров, проходящих над водными пространствами Средиземья, Черного и Каспийского морей, осаждается на их склонах, образуя огромные фирновые поля и величайшие в мире ледники. В этих ледниках берет начало большинство бурных и стремительных рек, орошающих долины Таджикистана. Ветер, лишенный влаги, несет дальше на восток свое сухое дыханье. Поэтому к Западу от хребтов Академии наук и Петра Первого — утопающие в зелени кишлаки, рощи грецких орехов и фисташек, белая пена египетского хлопка, багрянец персиков и прозрачный янтарь виноградных гроздьев, а к востоку — область мирового минимума осадков, безводная и бесплодная пустыня, лед, скалы и галька памирских нагорий.

Изучить весь этот метеорологический комплекс, познать режим ветров и ледников— это значит разгадать жизнь таджикских рек, бурных, стремительных и капризных, несущих подчас больше разрушения, чем пользы. Это значит сделать первый шаг к овладению, к окультуриванию этих рек с тем, чтобы заставить их орошать колхозные поля, хлопок и плодовые сады не по своим капризам, а по указанию агрономической науки.

Реки Таджикистана являются не только источником плодородия таджикских долин, но несут в себе также огромный запас водной энергии. Их использование даст совершенно неисчерпаемую и дешевую энергетическую базу для всей таджикской промышленности.

Изучение всего этого метеорологического комплекса ведется сетью метеорологических станций, расположенных в широтном направлении — Красноводск, Ашхабад, Сталинабад, Гарм, Рохарв, Кара-Куль, Мургаб. Но на наиболее ответственном участке, на самом метеорологическом рубеже, в хребте Академии наук, звенья этой цепи отсутствовали. И после того, как, экспедиции Крыленко и Горбунова создали необходимые географические, предпосылки, было решено восполнить эти недостающие звенья. Для этой цели на леднике Федченко, на высоте 4.300 м должна была быть построена высочайшая в мире постоянная гляциометеорологическая обсерватория, а 29-й отряд Таджикско-Памирской экспедиции должен был совершить восхождение на вершину пика Сталина и установить там метеорологический прибор, отмечающий силу и направление ветра и передающий результаты своих записей автоматическими радиосигналами на радиостанцию обсерватории на леднике Федченко.

III

Задача, возложенная на 29-й отряд ТПЭ, была чрезвычайно трудна. Много опасностей и неожиданностей подстерегают человека в горах. С крутых склонов низвергаются лавины, грозя похоронить под собой альпинистов. По скалистым склонам и кулуарам идут камнепады: огромные камни, как мячики, скачут вниз. Ледники и фирновые поля таят в себе бездонные трещины, часто засыпанные сверху снегом и незаметные для самого опытного глаза.

При больших восхождениях приходится преодолевать отвесные скальные участки и крутые ледяные стены, где малейшая оплошность означает гибель. Особенную трудность представляет восхождение на очень высокие вершины. Уже на высоте 4.500 м начинает давать себя чувствовать разряженность воздуха. Становится трудно дышать, трудно двигаться. Иногда уже на этой высоте замечаются признаки страшной горной болезни: сердцебиение, головная боль, кровотечение, непреодолимая апатия. На высоте 6.100 м . завязать башмак — это большой физический труд, после которого надо отдышаться и отдохнуть. Только акклиматизация, т. е. привычка организма к разряженному воздуху, создающаяся длительным пребыванием на высоте, дает возможность альпинистам, хотя и с, величайшими усилиями, восходить на вершины порядка 6-7 тыс. м. При длительном пребывании на высоте резко меняется состав крови, увеличивается количество красных кровяных шариков, которые поглощают кислород из воздуха.

Для трудных восхождений требуются большой альпинистический опыт и техника. Альпинистическая техника заключается в уменьи преодолевать трудные участки. Хороший альпинист умеет использовать малейший выступ, малейшую неровность, малейшую трещину в скале и поднимается по круче там, где неопытному человеку это кажется совершенно невозможным. При крутых подъемах по фирну или льду применяются так называемые кошки, т. е. металлические подошвы с 7-ю или 10-ю стальными шипами, которые наглухо привязываются к башмакам. Эти шипы при каждом шаге вдавливаются в лед или фирн. Там, где под'ем настолько крут, что даже кошки не удерживают вырубают при помощи ледоруба ступеньки.

Большое значение при трудных восхождениях имеет страховка. В опасных местах альпинисты идут связанными попарно или по трое веревкой, на расстоянии 8- 12 метров один от другого. Так идут они по леднику, где можно ожидать скрытых трещин. Если передний проваливается, то идущий сзади удержит его на веревке. При под'еме на крутые скалы идущий сзади закрепляет веревку на выступе камня, передний лезет вверх по скале на длину веревки и затем закрепляется на верху. Если веревку не за что закрепить, он вбивает в расселину скалы стальной крюк. После этого задний подымается к переднему, закрепляется, и передний вновь продолжает под'ем. При такой страховке если даже один из альпинистов, сорвется он упадет вниз только на длину веревки. При переходе по гребням также идут связанные попарно или по трое, внимательно следя друг за другом. Если один из альпинистов срывается с гребня в пропасть, то другой немедленно прыгает в другую сторону. Таким образом, альпинисты повисают на веревке м затем снова взбираются на гребень.

Трудные восхождения требуют также большой подготовительной работы на самой горе. Так как на больших высотах за дневной переход можно подняться не больше, чем на 500- 700 метров , то необходимо установить между началом под'ема и вершиной цепь промежуточных лагерей, в которых альпинисты могли бы ночевать и где они находили бы необходимые продукты. Наиболее трудные скалистые участки заранее оборудуются крюками и веревками. На крутых ледяных под'емах заранее вырубаются ступеньки.

Вся эта работа проделывается специальной подготовительной группой и носильщиками. Носильщики для таких восхождений вербуются из жителей высокогорных деревень, расположенных на высоте 4-4.200 метров . Жители этих деревень из поколенья в поколенье приучаются к переноске тяжестей на большой высоте по трудным горным тропам. Кроме того, они обычно занимаются и охотой и поэтому прекрасно лазают по скалам. Остается их обучить хождению по снегу и льду, применению кошек и ледоруба, а также страховке веревкой, чтобы приобрести в них ценных и смелых помощников.

Разведка пути на вершину, произведенная Горбуновым, Гетье и Харлампиевым осенью 1932 года, позволила уже заранее наметить план подготовительной работы. Было известно, что основной лагерь, откуда будет вестись осада горы, будет расположен у подножья пика Орджоникидзе на высоте 4.600 метров . Первая часть пути до подножья ребра на высоте 5.600 метров где будет устроен второй лагерь, не представляла собой особых трудностей. Правда, часть этого пути по леднику находилась под постоянной угрозой лавин, время от времени свергавшихся с отвесов мульды. Но с этим приходилось мириться, так как другого пути не было.

Большую подготовительную работу надо было произвести на ребре. Здесь надо было найти самый легкий путь по всем шести жандармам, сбросить по этому пути все плохо лежащие камни, вбить на крутых и трудных местах крюки и натянуть веревки.

Третий лагерь предполагалось поставить на высоте 6.400 метров над восточным ребром при выходе на фирновые поля. Наконец, на высоте около 7.000 метров предполагалось организовать четвертый и последний лагерь.

29-ый отряд ТПЭ был сформирован при ближайшем участии ОПТЭ, выделившем для этой цели лучшие альпинистические силы. Во главе отряда стоял П.П. Горбунов, возглавлявший всю Таджикско-Памирскую экспедицию в целом. Начальником оперативной группы был А.Ф. Гетье, начальником подготовительной группы председатель московской горной секции ОПТЭ — **Гермогенов**, далее группу составляли альпинисты **Абалаков**, **Гущин**, **Цак**, Харлампиев младший, Николаев и **Шиянов**. В качестве докторов состав отряда вошел врач альпинист Маслов, в качестве начальника хозяйственной части — М. В. Дудин. Зимой 1932-33 гг. во время тренировочного восхождения на Эльбрус Гермогенов погиб. Его заменили Харлампиевым старшим. К сожалению, как показало дальнейшее, эта замена была не вполне удачной.

Подготовительная группа 29-го 'отряда покинула Москву в мае месяце. Она выехала в Киргизский город От, конечный пункт железной дороги и начальный пункт древнего караванного пути на Памир. Последняя группа, в составе которой находился начальник экспедиции Н.П. Горбунов и автор, настоящих строк, принимавший участие в экспедиции в качестве специального корреспондента газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», выехала из Москвы в Ош 22-го июня.

IV

В Оше находится база всех отрядов Таджйкско-Памирской экспедиции, работающих на Памире. База расположена на берегу стремительной Ак-Буры. В маленьких домиках и палатках живут научные работники, прорабы, рабочие отдельных отрядов экспедиции. На дворе базы с утра до вечера ревут верблюды, ишаки, лошади, гудят автомобили. Караваны отрядов один за другим уходят на Памир.

В середине старого города находится легкий, воздушный, скалистый массив Сулейман-баши. Наверху—небольшая мечеть, где когда-то киргизские женщины лечились от бесплодья. Сейчас мечеть закрыта, и женщины избавляются от предрассудков, и лечатся у врачей.

На скалах Сулейман-баши наша группа тренировалась, в скалолазании, привлекая внимание местных жителей.

Еще два года тому назад Памир был для Оша такой же далекой и таинственной страной, как для Москвы. 20 дней шли верблюды и караваны из Оша в Мургаб и 40 дней из Оша в Хорог. Но два года тому назад началось строительство автомобильного шоссе Ош - Хорог. С нечеловеческой энергией преодолевая все затруднения, прокладывали строители труднейшую горную трассу. Тысячи рабочих русских, таджиков, узбеков, киргизов, казаков врезались в горные ущелья, брали приступом перевалы, перебрасывали мосты через бурные горные реки. Местами полотно шоссе поднимается до высоты 4.800 метров , т.е. до высоты Монблана.

Летом 1933 г . строительство шоссе было закончено. Два Дня автомобильного пути отделяют теперь Ош от Мургаба и четыре дня — от Хорога. Из Мургаба и Хорога в Ош ежедневно приходят автомобили Памирстроя и Совсиньторга, привозя с собой письма из самых отдаленных уголков величайшего горного плато.

Революция идет на Памир уже не узкой караванной тропой, а широкой и удобной автомобильной дорогой. Строительство сплотило рабочих разных национальностей, содействовало их взаимному сближению и ознакомлению.

В начале июля наша группа выехала на двух грузовых автомобилях из Оша на Памир. 200 километров автомобильной дороги доставили нас на погранзаставу Бордоба.

Из Бордобы нам предстояло итти походным порядком по Алайской долине, Терс-Агарскому ущелью и ледникам Федченко и Бивачному к подножью пика Сталина. Но перед этим мы должны были дождаться приезда альпиниста Шиянова с радиостанцией. В нашем распоряжении было еще несколько свободных дней, которые Н.П. Горбунов использовал для поездки вглубь Памира с целью проверить работу памирских отрядов Памирско-Таджикской экспедиции и уладить кое-какие организационные вопросы с памирскими учреждениями.

Дружная семья советских пограничников в Бордобе приняла нас в свой круг. Мы знакомились с жизнью бойцов, с политучебой, читали доклады

19-го июля в Бордобу приехал Шиянов с радиостанцией.

На другой день после приезда Шиянова, когда мы делали пробное испытание метеорологической станции на холме возле Бордобы, к нам подошел молодой человек в кепи и городском пальто и отрекомендовал себя кино-оператором Ленинградской фабрики Союзкино Капланом. Он был командирован в нашу группу, чтобы совершить совместно с нами экспедицию на пик Сталина. Из распросов выяснилось, что Каплан незнаком с альпинизмом и не имеет почти никакого снаряжения. Он представлял себе экспедицию на пик Сталина, как довольно легкую недельную прогулку. Выяснилось, что ленинградская фабрика Союзкино сделала большую ошибку. Вместо того, чтобы послать с нами двух, или трех хорошо подготовленных кинооператоров и заснять большой документальный фильм восхождения на пик Сталина, она решила делать сюжетный памирский фильм, для чего в Хорог была командирована целая экспедиция с режиссерами, актерами и вспомогательным персоналом. Для этого сюжетного фильма Каплан должен был во время нашего восхождения на пик Сталина заснять несколько сюжетных моментов. У него было только 600 метров пленки. Решив, что лучше 600 метров , чем ничего, Н. П. Горбунов предложил Каплану ехать с нами. Мы снабдили его всем необходимым из наших запасов, и 22 июля наш маленький караван на трех верблюдах, двух вьючных и двух верховых лошадях тронулся в путь.

В Бордобе мы оставили позади себя цивилизацию, дома, кровати, столы, стулья. В течение 80 дней похода над нами было звездное небо Памира или полотно палатки.

Алайская долина тянется на протяжении около 125 километров с Востока на Запад. Ее ширина около 30 километров . Она расположена на высоте 3.000 метров над уровнем моря. С севера она окаймлена скалистым Алайским хребтом с вершинами порядка 5-5,5 тыс. метров, с юга ее обраймляют снежные гиганты Заалайского хребта, в строю которых высится широкий снежный шатер пика Ленина (7.215 метров).

Наш караван двигался вдоль южного края долины. Эта часть ее заполнена чукурами — круглыми, поросшими скудной травой холмами, остатками древних ледниковых морен. Караванная тропа вьется между этими холмами. Нередко встречаются красивые маленькие озерки, остатки когда-то бывших здесь больших ледниковых озер.

Нас провожал геолог Марковский — начальник всех геологических отрядов ТПЭ памирского направления. Обычно он совместно с Н. П. Горбуновым с утра покидал наш караван и уезжал верхом к ледникам Заалайского хребта, делая всякого рода геологические наблюдения и записи. Караван наш мерно двигался по долине к Западу. Время от времени наш путь пересекали обрывистые и каменистые русла рек, стекающих с северных склонов Заалайского хребта. Мы спускались в них по зигзагам тропинки и переходили в брод стремительные красные от размытых пород потоки.

Через четыре дня пути мы подошли к повороту на юг в ущелье Терс-Агара. У выхода из Алайской долины на холме возвышался большой хорошо сохранившийся мазар — могила какого-то мусульманского святого, разукрашенный черепами кийков и архаров, конскими хвостами на шестах и разноцветными тряпочками. Мы заночевали у входа в Терс-Агарское ущелье и на другой день двинулись дальше.

В Терс-Агарском ущелье нам впервые улыбнулось охотничье счастье. Я и Каплан уехали от каравана далеко вперед. Почти достигнув перевальной точки, мы решили отдохнуть и, спрыгнув с лошадей, собирались расположиться на траве на берегу стремительно несущейся Алты-Дары. В это время Каплан, вглядываясь в противоположный берег, закричал: «Смотрите — киик3/, один, два, три».

Я посмотрел в указанном направлении и заметил больше десятка кийков, бродивших по крутой осыпи в 120—150 метрах над рекой.

Усталости как не бывало. Я схватил винтовку, перешел в брод Алтын-Дару и стал подбираться к кийкам. Изумительная защитная окраска делала их почти невидимыми при малейшем изменении в освещении, при всякой перемене позы. Я лег за камень, выцелил одного из кийков, неясным силуэтом выделяющегося на скале, и выстрелил. Киик прыгнул вверх и упал мертвым. Я стащил его к берегу, куда в это время подошел Н. П. Горбунов. Мы выпотрошили животное, приторочили к седлу и поехали дальше. Терс-Агарский перевал представляет собой довольно широкое седло. С запада из прилегающего ледника водопадом вытекает река, которая на перевале делится на две части. Одна поворачивает по северному склону перевала и носит название Алтын-Дары, другая круто ниспадает по южному склону и называется Терс-Агар. Спуск к югу, сначала отлогий, через несколько сотен метров переходит в почти отвесный склон километровой глубины. Здесь с перевала открывается грандиозная панорама. Внизу лежит плоская долина Мууксу шириной около двух километров, расчерченная узором стремительных русел, несущих буро-красную воду. Эта долина представляет собой ложе когда-то бывшего здесь ледника. С противоположного ее берега вздымают вверх снежные громады Мазарских Альп высотой до 6,5 тыс. метров. Горы видны от подошвы и до вершины. Сначала — полукилометровая отвесная стена скалы, отполированная древними ледниками, затем висячие крутые ледопады. Фирновые склоны, расчерченные следами лавин и, наконец, сверкающие в заходящем солнце снега вершины.

Это сочетание широчайших речных долин, созданных древними оледенениями, с гигантскими горными хребтами представляет собой характерную особенность памирского пейзажа, придающего ему необычайную грандиозность и мощь. .

На востоке долина Мууксу разделялась на три части — на долину Саусая, Коинды н Сельдары. Видно было слияние рек, носивших те же названия, и образующих Мууксу.

Внизу под нами оазис Алтын-Мазара ярко зеленел сочным пятном на серой гальке долины. Было уже темно, когда мы начали спуск по бесконечным зигзагам тропы. С трудом отыскав глиняную кибитку, в которой помещалась база 37 отряда ТПЭ, строющего обсерваторию на леднике Федченко, мы разв'ючили караван, поставили палатки и расположились на ночлег.

V

Из Алтын-Мазара нам предстояло переправляться через Сауксай, Коинды и Сельдару, чтобы достигнуть первого лагеря нашего отряда, расположенного на склонах левого края ледника Федченко на высоте 2.900 метров .

Переправа через эти реки представляет собой огромную опасность. Сауксай вытекает из ледника пика Ленина, Сальдара — из ледника Федченко. Падение воды в этих песках настолько сильно, что течение отличается необыкновенной стремительностью и силой. Достаточно войти в воду по колено, чтобы быть сбитым с ног и унесенным в водовороты. Особенно опасен Сауксай, в котором сильное течение волочит по дну большие камни. Летом 1933 года при переправах через Сауксай и Сельдару погибло 14 человек. Двое из них принадлежало к составу Таджикско-Памирской экспедиции.

Для переправы мы воспользовались лошадьми и проводниками 37-го отряда ТПЭ, караваны которого почти ежедневно переправлялись через эти реки, доставляя строительные материалы на ледник Федченко.

Утром 29 июля мы тронулись в путь. Наш караван вел пожилой казак Колыбай — один из самых опытных проводников 37-го отряда. Н. П. Горбунов, Шиянов, Каплан и я ехали на крепких кашгарских лошадях. Груз наш переправлялся на двух верблюдах и двух вьючных лошадях. На одном из верблюдов ехал киргиз Ураим.

Мы проехали несколько километров по гальке долины и приблизились к первому руслу Сауксая. Коричневая вода стремительно, с ревом и грохотом неслась мимо нас. Кое-где русло было разделено отмелями. Брызги пены летели на перекатах. По едва заметным признакам Колыбай нашел брод и повел караван через реку. Он шел впереди на своём крепком белом коне, ведя на поводу наших вьючных лошадей. Вслед за нами шли привязанные друг к другу верблюды, а за верблюдами, стараясь не сбиться с брода, двигались мы: Н. П. Горбунов, Шиянов, Каплан и я. Мы вынули ноги из стремян, чтобы не застрять в них, если лошади будут сбиты и подхвачены течением. Наиболее ценное наше имущество — фото-аппараты и дневники — мы привязали к поясам в непромокаемых, резиновых мешочках.

Лошади входят в воду, погружаются по колена, по живот, наклоняются в бок, с усилием сопротивляясь напору воды. Странное ощущение испытываешь, если смотреть в воду. Начинает казаться, что берега плывут куда-то вверх по течению, что лошадь, обгоняемая бешеным потоком воды, пятится задом. Начинает кружиться голова и хочется спуститься с седла и отдаться на волю волн... Нужно смотреть вверх реки на противоположный берег, тогда все становится на место.

Понемногу русло начинает мелеть, лошадь идет легче, выходит на берег и встряхивается. Мы едем, дальше, шум воды позади стихает, но вскоре вновь возникает впереди. Мы приходим к следующему руслу. Сауксай, который считается самой опасной рекой, мы перешли сравнительно легко. В нем в этот день было 6 русел. Перейдя Сауксай, мы вновь пошли по долине. Через несколько времени перешли неглубокую Коинды. Думая, что самое трудное осталось позади, мы беспечно приближались к берегам Сельдары. Но вид первого же русла заставил признать свою ошибку. Сельдара неслась перед нами широким мутным потоком, крутые валы гнались один за другим, на перекатах вода бурлила зловещими водоворотами. После долгих поисков Кочыбаю удалось найти брод через первое русло. Вода была глубока, доходила лошадям до груди, переправа совершалась с огромным трудом и очевидной опасностью. Мы перешли таким образом шесть русел Сельдары. Оставалось последнее, седьмое. Перед нами на расстоянии каких нибудь ста метров находился желанный левый берег. Но седьмое русло оказалось непреодолимым. Было уже 12 часов дня. Таяние ледников значительно усилилось, и река вспухла. Попытка одного из работников 37-го отряда Розова переправиться через последнее русло Сельдары едва не окончилась катастрофой. Лошадь была подхвачена течением. Розов пытался наискось направить ее к противоположному берегу. Уже вблизи берега лошадь начала погружаться в воду и Розову пришлось спрыгнуть с седла в реку. С огромным трудом ему удалось выбраться на берег. В нескольких десятках метров ниже вышла из реки его лошадь. Было ясно, что нашему каравану не удастся переправиться через последнее русло.

Мы предложили Колыбаю вести нас обратно. Но Колыбай отказался. По его мнению, в тех шести руслах, которые мы перешли, сейчас уже настолько прибавилось воды, что перебраться обратно было нельзя. Он предложил ночевать на отмели. Но мы категорически отказались. Мы знали, что вода будет прибывать еще по крайней мере 8 или 9 часов. Если бы она затопила отмель, мы оказались бы в безвыходном положении. Мы категорически потребовали, чтобы Колыбай вел нас назад. С огромным трудом мы снова перешли шесть русел Сельдары и заночевали на гальке между реками.

На другой день рано утром мы снова приступили к переправе. Сравнительно легко перешли реку и достигли нашего первого лагеря. Здесь нас встретили начальник хозяйственной части нашего отряда М. В. Дудин и рабочий Алеша, молодой парень из Оша.

VI

В базовом лагере нам пришлось задержаться. Дело в том, что при переходе по Алайской долине один из верблюдов развьючился и вьюки упали. При этом была повреждена одна из деталей радиостанции. Н. П. Горбунов послал джигита из Алтын-Мазара в Лянч, где находилась

слесарная мастерская золото-поисковой партии Таджикзолота с тем, чтобы там изготовили эту деталь. Это и задержало нас в базовом лагере. Лагерь был расположен на берегу небольшой стремительной речки Танымасн, отделявшей от языка (нижний конец) ледника Федченко. Ледник Федченко выпирал в долину огромным хаотическим нагромождением ледяных бугров, покрытых валунами и камнями морены.

В одну из наших охотничьих экскурсий мы пересекли язык ледника, вышли к его восточной части, к тому месту, откуда вытекает Сельдара. Река выжимается из ледникового грота страшным напором огромного ледяного пласта. Выйдя из-под льда, мутно-коричневый поток коротким толстым стволом взмывает вверх и затем падает широким круглым фонтаном. После этого глубоким и стремительным руслом Сельдара идет к северу встречает на своем пути отвесные стены Талей-Шпице и растекается по долине сетью русел.

М.В. Дудин подробно рассказывал нам о работе каравана нашего отряда, пробравшегося к леднику Федченко еще в начале июня, когда перевалы через Алайский хребет были покрыты снегом. Подготовительная работа, по его словам, протекала не вполне удачно. Харлампиев старший, который должен был привести из Кудара 8 или 10 хороших носильщиков таджиков, во главе с Селимом, бывшим старшим носильщиком в прошлогодней экспедиции Горбунова, не выполнил этой задачи. Уйдя в середине июня из базового лагеря по долине Билянд-Киик в Кудару, он не нанял лично носильщиков, а, заручившись обещанием Кударинскрго райкома прислать таковых к 7-му июля, ушел обратно, не оставив ни денег, ни продуктов. Само собой понятно, что из Кудары никто не пришел. Уже позже, в середине июля М. В. Дудину удалось с большим трудом достать в Алтын-Мазаре шесть носильщиков—четырех киргизов и двух таджиков. Он не был уверен в том, что они окажутся надлежащего качества.

Третьего августа по леднику Федченко из верхних лагерей пришел караван нашего отряда. Усталые лошади, погоняемые караванщиками, переправились через реку. Караванщики подошли к нам и передали нам записку. Она была писана рукой Гетьё и извещала нас о том, что 30-го июля при обработке второго жандарма сбит с ребра и погиб альпинист Николаев.

Впоследствии мы узнали подробности его гибели. 29-го июня наши альпинисты впервые поднялись из лагеря у подножья пика Орджоникидзе на восточное ребро устроив у его подножья на высоте 5.600 м. первый высо. когорный лагерь. 30-го группа вышла на обработку жандармов. Шесть альпинистов разбились на две тройки. Первая тройка в составе Аболакова, Гущина и младшего Харлампиева, пройдя легкий первый жандарм и оставив на втором веревки, которые должна была закрепить вторая группа, пошла дальше к третьему жандарму. Вторая группа в составе Гетье, Харлампиева старшего и Николаева подошла ко второму жандарму. Гетье и Харлампиев стали подниматься на жандарм с тем, чтобы закрепить веревки и спустить одну из них Николаеву. Когда Гетье вышел к вершине жандарма, он увидел Николаева, который вместо того, чтобы ждать веревок, лез по жандарму в лоб. Потом Гетье увидел, как из-под руки Николаева вырвался камень, ударил его по плечу, сбил обратно с жандарма на ребро, как Николаев пытался удержаться на ребре, как вслед за первым камнем посыпались другие, и вместе с ними Николаев стал падать вниз по почти отвесному фирновому склону. Пролетев около 500 метров , он исчез в скалах и снежных сбросах.

Гетье в записке выражал тревогу по поводу задержки с приездом Н.П. Горбунова. Эта записка заставила нас поспешить с продолжением нашего пути. Однако Н. П. Горбунов решил остаться пока в базовом лагере. Он придавал большое значение установке радиостанции и хотел во чтобы то ни стало дождаться присылки из Лянча недостающей детали. Поэтому было решено, что в верхние лагеря пойдут Шиянов, Каплан и я.

5-го августа мы двинулись в путь. Мы перешли Танымас и пошли по морене ледника Федченко. Тропа, отмеченная маленькими пирамидками, сложенными из камня, причудливо вилась между большими ледяными буграми. Валуны и камни нередко скользили по льду. Идти было очень трудно. Лошади передвигались с большими усилиями, оставляя на камнях кровавые следы. После целого дня томительного пути мы поднялись по леднику наД8 километров и достигли того места, где в ледник Федченко впадает ледник Бивачный. Здесь на небольшой скалистой площадке, у слияния двух ледников мы заночевали.

На другой день мы пошли дальше вверх по леднику Бивачному. Так же, как и ледник Федченко, Бивачный в нижней своей части сплошь покрыт мореной. Тропа идет зигзагами по правому борту ледника. Мы продвигались все дальше вглубь горного царства. Впереди вставала цепь снежных гигантов хребта Академии Наук; пик Калинина, Реввоенсовета, Ворошилова, Орджоникидзе, а за сахарной головой пика Орджоникидзе вырисовывался широкий снежный шатер пика Сталина. К вечеру второго дня пути мы достигли нашего второго лагеря, подгорного, расположенного на высоте 3.900 метров на правой морене ледника Бивачного, против того места, где в него впадает ледник Сталина.

На берегу маленького голубого озера стояло несколько палаток, в которых жил топограф нашего отряда И. Г. Волков с тремя сопровождавшими его красноармейцами. И. Г. Волков производил с'емку ледника Бивачного и Сталина, проверяя и исправляя карту, сделанную Финстервальдером в 1928 году на основании фото-теодолитной с'емки.

Так как лошади наши сильно устали и расковались, нам пришлось сделать дневку, и только 9-го августа мы отправились дальше. Мы пересекли ледник Бивачный, вышли на ледник Сталина и стали подниматься вверх по его течению. Ледник Сталина только частично был покрыт мореной. В основном же он состоял из гряд мощных сераков, больших снежных ледяных пирамид, между которыми находились глубокие трещины. Кое-где, на особенно крутых местах были грандиозные ледопады. Дорога становилась все труднее, лошади брали под'емы рывками, делали передышку через каждые несколько шагов.

Справа один за другим проходили мимо нас грандиозные вершины хребта Академии Наук. К вечеру мы прошли почти весь ледник Сталина. Перед нами возникла огромная стена, соединявшая пик Сталина с пиком Молотова, и постепенно из-за склона пика Орджоникидзе стал показываться гигантский массив пика Сталина.

Мир впереди нас был непреодолимо замкнут. Мы подошли вплотную к тому рубежу, который разделяет цветущие долины Таджикистана от памирской пустыни.

У подножья пика Орджоникидзе был разбит наш основной лагерь, откуда велась осада пика Сталина. Чтобы добраться до него, нам надо было пересечь ледник Сталина. Мы спустились с борта ледника и углубились в море ледяных пирамид. Красные листки макрировочной бумаги, укрепленные в маленьких столбиках сложенных из камней, показывали нам путь через ледяной хаос. Ведя за собой лошадей, вырубая ледорубами ступени, мы продвигались вперед, и через несколько часов напряженной работы пересекли ледник. Еще последний под'ем по морене, и перед нами под склоном пика Орджоникидзе раскрылся наш ледниковый лагерь.

Несколько палаток раскинуто на морене. Под большим камнем стоят примуса и походные кухоньки.

Мы были встречены приветственными криками, Гетье, Аболаков, Гущин, старший Харлампиев, Цак и доктор Маслов окружили нас, пожимая нам руки. В одной из палаток Сидел бледный, обросший бородой Харлампиев младший, заболевший воспалением легких при поисках тела Николаева и лишь два дня тому назад переживший кризис. В стороне, у большого камня сидели 6 носильщиков.

Мы передали альпинистам привезенные нами письма, поделились последними новостями из Москвы, и базового лагеря, сообщили им о причинах задержки Н, П. Горбунова. Пока мы беседовали, носильщики разбили нам палатки, караванщики развьючили лошадей. Мы разложили в своих палатках наши вещи, спальные мешки, вьючные сумы, 'винтовки, ледорубы и кошки и таким образом жилье было готово.

Уже, вечерело. Дневной жар сразу сменился ночным холодом. Мы одели полушубки. Остаток вечера прошел в беседе.

VII

На другой день товарищи познакомили нас с ходом подготовки к восхождению. 31 го июля, на другой день после гибели Николаева, была сделана попытка найти его тело. Попытка не удалась, так как тело, очевидно, застряло на середине фирнового склона, в совершенно неприступном месте.

Последующая болезнь Харлампиева младшего сильно потрясла и вывела из строя Харлампиева старшего. Кроме того, при первом восхождении на ребро выяснилось, что носильщики плохо переносят высоту. Они заболевали горной болезнью, и было ясно, что трое из них смогут работать только между ледниковым лагерем и лагерем «5.600».

Опасения Дудина, таким образом, оправдались.

3-го августа наши лучшие альпинисты Аболаков, Гущин и Гетье вновь поднялись в лагерь с носильщиками, чтобы продолжать обработку жандармов. Шесть дней пробыли они на ребре, преодолевая один жандарм за другим. Носильщики снова заболели горной болезнью. Их пришлось отправить вниз. Выяснив, что при восхождении не удастся преодолеть ребро в один день, альпинисты установили на высоте 5.900 метров на краю фирновой трещины между вторым и третьим жандармом второй промежуточный лагерь. 7-го августа были обработаны первые четыре жандарма. Пятый жандарм казался недоступным. Он высился отвесной, рыхлой, скалистой стеной на 100 метров над ребром. Только благодаря исключительному скальному искусству и отваге Аболакова, удалось альпинистам с большой опасностью для жизни преодолеть 8-го августа пятый жандарм, найти по нему наиболее легкий путь, вбить в скалы крюки, натянуть веревки и веревочные лестницы. С вершины 5-го жандарма альпинисты в бинокль исследовали шестой жандарм. Он был труден, но проходим. Однако, они отказались от мысли обработать его. Уже шесть дней провели они на высоте свыше 6.000 метров , были сильно утомлены и, кроме того, весь запас веревок и лестниц кончился. 9-го августа, за два часа до нашего прихода, они спустились в ледниковый лагерь.

Работа, проделанная Аболаковым, Гущиным и Гетье была огромна, но все же она не могла возместить отсутствия носильщиков и ослабление группы. Подготовка к восхождению закончена не была, лагеря на высоте 6.400 и 7.000 не были поставлены, в лагерях «5.600» и «5.900» было мало продовольствия. Однако, расточать силы наших лучших альпинистов на подготовительную работу больше нельзя было. Надо было их беречь для восхождения.

Через два дня после нашего прихода в лагерь, 11-го августа, была сделана попытка продолжить подготовительную работу силами Цака, Шиянова и доктора Маслова. Совместно с носильщиками они должны были попытаться занести палатки и продукты для верхних лагерей — к подножью шестого жандарма.

12 носильщиков вернулись из лагеря «5.600». Один из них, киргиз Джамбай Иргале наверху заболел. Сначала мы думали, что это просто тяжелая форма горной болезни. Ночью мы давали ему кофеин для поддержания сердечной деятельности.

13-го сверху спустились альпинисты, и доктор установил у Джамбая двустороннее гриппозное воспаление легких. Несмотря на принятые меры, к вечеру Джамбай умер. Его похоронили неподалеку от лагеря, и его товарищи по киргизскому обычаю разукрасили его могилу разноцветными тряпочками.

Цак, Шиянов и доктор не выполнили возложенных на них задач. Им помешали туман и болезнь носильщиков. И так, приходилось пытаться брать вершину из лагеря «5.900», занося попутно с собой палатки и продукты для верхних лагерей. Это, конечно, значительно понижало шансы на успех.

Стояла чудесная солнечная безветренная погода. День за днем проходил в ожидании Николая Петровича. Мы очень досадовали на эту задержку. Мы упускали лучшее время для восхождения. В любой момент погода могла испортиться, могло наступить похолодание. Кроме того, продукты и топливо были на исходе и мы с нетерпением ожидали подкрепления снизу. 19-го нам пришлось сделать «субботник» по топливу. Мы собрали все куски дерева, бумагу, обертки от консервных банок и таким образом сделали запас дня на три. 20-го мы решили

отправить всех, за исключением Аболакова, Гущина, Гетье, Цака, Каплана и меня в нижние лагеря.

Рано утром оба Харлампиевых, Шиянов, Маслов, Волков со своими тремя красноармейцами, все шесть носильщиков, повар Усумбай и рабочий Елдаш взвалив на спины мешки с вещами, отправились в поход. Лагерь опустел.

В 16 часов Гущин, ушедший полазить по скалам, увидел на правом берегу ледника Сталина фигуры людей и лошадей. Это был долгожданный караван, и с ним – Горбунов. Вернулись также и все те, кто утром ушел из лагеря.

Прибывший с караваном М.В. Дудин взял на себя административно-хозяйственную сторону жизни лагеря, а Гетье и Н.П. Горбунов немедленно приступили к выработке плана восхождения. Было решено, что в штурме вершины примут участие шесть человек, разбитых на две веревки. В первой веревке должны были итти Аболаков, Гущин и Шиянов, во второй – Гетье, Горбунов и Цак. Трое лучших носильщиков – таджики Нишан и Ураим Керим и киргиз Зекирпрен придавались первой веревке. Остальные двое киргизы Ураин Ташпек и Абдурахман должны были сопровождать вторую, первая веревка начинала штурм вершины 22-го августа, 2-ая -23-го. На протяжении всего восхождения обе веревки должны были действовать в строгом согласовании по следующему календарному плану:

22-го августа первая веревка с тремя носильщиками поднимается, в лагерь «5.600».

23-го августа первая веревка с тремя носильщиками, минуя лагерь «5.900», поднимается до подножья 6-го жандарма, обрабатывает его, и возвращается в лагерь «5900». Вторая веревка со своими носильщиками поднимается в лагерь «5.600».

24-го августа первая веревка с носильщиками и с новой партией груза подымается по ребру до выхода на фирн и устанавливает лагерь «6.400», после чего носильщики спускаются в лагерь «5.900». Вторая веревка подымается с носильщиками в лагерь «5.900» и отсылает своих носильщиков вниз.

25-го у первой веревки – дневка. Вторая веревка с тремя носильщиками подымается в лагерь «6.400».

26-го из альпинистов, лучше акклиматизировавшихся на высоте, составляется штурмовая группа. Совместно с носильщиками она подымается до высоты в 7.000 метров , где устанавливается последний лагерь. Носильщики спускаются вниз. Доктор Маслов поднимается из ледникового лагеря в лагерь «5.600», чтобы быть ближе к «полю битвы».

27-го — штурм вершины, установка станции и спуск в лагерь «6.400».

28-го — спуск в лагерь «5.900», 29-го — возвращение б ледниковый лагерь.

При анализе этого плана не трудно заметить, что во время восхождения делалась попытка восполнить недостатки подготовительной работы. Трое лучших носильщиков должны были трижды – 23-го, 24-го и 25-го — пройти ребро, занося вверх станцию, палатки для верхних лагерей и продукты. Принимая во внимание, что до сих пор носильщикам ни разу не удавалось подняться выше «5.900», надо признать, что план был довольно напряженном. Если бы носильщики вновь отказались форсировать ребро и не занесли бы наверх станцию восхождение было бы сорвано.

Вторым слабым местом плана было то, что с уходом наверх шестерых штурмовиков внизу не оставалось ни одной пары альпинистов, которые могли бы подниматься по ребру и оказать помощь верхней группе в случае какого-либо несчастья. Однако, эта напряженность плана была вынужденной, она была результатом неудачно проведенной подготовительной работы.

VIII

План восхождения был нарушен с самого начала. 21-го августа за ужином попалась банка несовсем свежих овощных консервов, и Шиянов отравился. На другой день ему пришлось отказаться от выступления с тем, чтобы 23-го примкнуть ко второй веревке. Таким образом, 22-го на штурм пошли Аболаков и Гущин с тремя носильщиками.

23-го двинулись в путь остальные четверо. Мы провожали их до лагеря «5.600». Мы пересекли бугры морены и сераки ледопада Орджоникидзе, перебрались через бурный ледниковый ручей и оказались у подножья ледника Сталина. Здесь мы надели кошки и начали под'ем. Медленно, шаг за шагом поднимались мы по крутому куполообразному языку ледника, вдавливая в твердый фирн шипы кошек, внимательно обходя глубокие трещины. Через два часа мы были на выставке 5.000 метров у поворота в мульду между восточным и южным ребром. Широкий поток ледника некруто поднимался вверх и упирался в почти отвесную стену. Со стены, над ледником нависали огромные снежные карнизы. Стотысячетонные массы снега готовы были рухнуть вниз лавинами и смести нас с ледника. Здесь мы разделились и пошли в одиночку с тем, чтобы в случае, если пойдет лавина, она захватила бы возможно меньше людей. Лавинный участок мы преодолевали около полутора часов. Высота давала себя чувствовать. Нельзя было итти быстро. Затем, обогнув две большие поперечные трещины, мы пересекли ледник и вышли к его левому борту. Здесь мы поднялись на широкий ледяной карниз, шедший вдоль отвесной скалистой стены. Пройдя несколько сот метров по карнизу, мы подошли к подножью скал, по которым надо было подниматься к лагерю «5.600». Скалы были почти отвесны, но не очень трудны. Уступы были расположены довольно удобно. 200 метров под'ема, — и мы на небольшой площадке. Здесь в ряд стоят четыре палатки. По обе стороны лагеря глубокие[4]пропасти. Далеко на восток видны ледники Сталина, Бивачный и Федченко, с другой стороны уходит вверх крутое восточное ребро с страшными жандармами. В бинокль можно разглядеть укрепленные на них кое-где веревки и веревочные лестницы.

Вечереет. Только несколько минут можем мы пробыть в лагере. Мы прощаемся с нашими товарищами, которые завтра начинают под'ем по ребру, и спешим вниз. Быстро спускаемся со скал, проходим лавинный участок и в полной темноте достигаем ледникового лагеря.

Потянулись долгие дни ожидания. В первое время, пока штурмовые группы не миновали ребро и пока не вцбыли из строя носильщики, мы время от времени получали сверху записки, по которым могли составить себе приблизительную картину восхождения. Кроме того,
на скалах склона Орджоникидзе метрах в 300 над нашим лагерем, мы устроили наблюдательный пункт, откуда в бинокль следили за ребром и фирнами пика Сталина.

Мы видели, как 24 го августа первая группа с тремя носильщиками поднялась из лагеря «5.600» по ребру и скрылась в верхних жандармах. Затем, к вечеру носильщики спустились в лагерь «5-600», а через несколько времени туда поднялась и вторая группа.

25-го на горе не было видно никакого движения. Стояла прекрасная солнечная безветренная погода, и я решил осуществить свое давнишнее желание — попытаться заснять на кинопленку лавину. Крутая стена, соединявшая пик Сталина с пиком Молотова, и восточный контр — форс пика Молотова образовали гигантский цирк (замкнутое пространство в горах), дно которого занимал рассеченный трещинами круглый ледник. С крутых снежных стен почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день, шли лавины. Днем эти лавины не достигали особенно больших размеров и, скатываясь вниз, не захватывали середины круглого ледника. Я хотел пройти на ледник и, установив там киноаппарат, ждать, пока пойдет очередная лавина.

Я несколько раз говорил об этом с Капланом, но наш кинооператор не был особенно склонен к далеким прогулкам. Аргументировал он обычно кинематографическими доводами. Он уверял меня, что белая лавина на белом фоне «не играет» на экране. «Мне нужна», — говорил он, — «гигантская лавина на черном фоне и с боковым освещением». Такой лавины я ему, конечно, предоставить не мог. Однако, в этот день он оказался необычайно сговорчивым. Была исключительно тихая погода. Накануне не было ни одной лавины, давно уже не выпадал снег, и

он, очевидно, рассчитывал пройти со мной в цирк, доказать мне полную абсурдность моего намерения и тем самым избавиться от моих домомагательств.

И так, доктор, носильщик Ураим Ташпек, кинооператор и я, взвалив на плечи тяжелый аппарат и треногу, отправились в путь. Мы пересекли морены и сера-ки и начали подыматься зигзагами по леднику, обходя глубокие трещины и ледопады. Дойдя до середины цирка, мы хотели остановиться, но я предложил пройти еще на десяток метров вперед. Затем мы выбрали удобное место между двумя глубокими трещинами, расставили треногу и укрепили на ней аппарат. Каплан навинтил телеоб'ектив.

Стояла солнечная безветренная тишина. Ни один звук не нарушал безмолвия горной пустыни. Каплан нагнулся к об'ективу, чтобы проверить экспозицию, и в этот самый момент раздался громоподобный грохот, и с южного ребра пика Сталина на темном фоне и с боковым освещением прошла гигантская лавина.

Сотни тысяч тонн фирна и льда катились вниз по всему протяжению километрового ребра. Впившись в окуляр, Каплан лихорадочно вертел ручку аппарата, доктор быстро щелкал затвором своего стереоскопического Цейса, бросая мне назад заснятые кассеты. Скатившись вниз, гигантская лавина пересекла цирк на расстоянии 500 м от нас, а затем, отразившись от восточного контрфорса пика Молотова, повернула и с грохотом и быстротой экспресса помчалась прямо на нас.

Огромные снежные валы приближались с чудовищной быстротой. Высокое снежное облако поднималось над ними. Каплан продолжал вертеть ручку аппарата, доктор продолжал снимать, я и носильщик наблюдали приближение лавины. Гибель казалась настолько неизбежной и неотвратимой, что мы как-то даже не успели испугаться. Предпринимать что-либо было бы совершенно бесполезно. Еще не было случая, чтобы человеку удалось спастись от лавины, даже если он имел возможность с'езжать на лыжах вниз по крутому горному склону.

Глубокие трещины ледника поглощали снег лавины. Ее бег понемногу замедлялся и слабел, но тем не менее она продолжала оставаться грозной. Когда она приблизилась, я увидел ее левый край и понял, что она идет не совсем на нас. И, действительно, лавина прошла в 40- 50 м слева.

В восторге от удачи мы кричали, прыгали, фотографировали друг друга. Вернувшись в лагерь мы не нашли обеда. Наш повар Елдаш решил, что готовить больше не для кого. 26-го, согласно плана, доктор поднялся в лагерь «5.600».

В ледниковый лагерь приходили сверху носильщики и приносили записки от Горбунова и доктора. Горбунов писал о том, что в верхних лагерях мало продуктов и лекарств. По этим запискам мы видели, что восхождение задерживается. Последняя записка Горбунова из лагеря «6.400» была датирована 27-ым августа, т.е. тем даем, когда по плану должна была быть взята вершина и установлена станция. Горбунов писал, что на верху почти нет продуктов и настойчиво просил Маслова принять все меры и заставить носильщиков еще раз подняться по ребру с продовольствием. После этого переписка прервалась.

29-го мы видели с нашего наблюдательного пункта всех шестерых штурмовиков, связанных попарно и пересекавших огромные фирновые поля над ребром на высоте приблизительно 6.600 метров. Они поднимались к месту последнего лагеря.

30-го к вечеру испортилась погода, и вершину горы окутал туман. Это было самое худшее из того, что могло случиться. Туман в горах — опаснее лавин и камнепадов. Он фантастически изменяет очертания предметов. В тумане можно принять камень за большую скалу и не заметить находящегося в двух шагах обрыва. В туман даже самые опытные проводники Швейцарии и Тироля, из года в год ходящие по одним и тем же местам, не рискуют совершать восхождений. В туман надо отсиживаться в палатках. Но для этого надо иметь продукты, а мы знали, что у наших товарищей продуктов было очень мало.

На другой день 31-го утром туман сгустился. Рваные космы туч плыли снизу, со стороны ледника Бивачного, окутывая наш лагерь. Массив пика Сталина скрылся из вида и только иногда, когда туман немного расходился, можно было различить неясные очертания его нижней части.

Накануне вечером из нижних лагерей пришел наш караван с продуктами. Вместе с караваном пришел радист Маслаев, студент одного из ленинградских втузов. Он был прислан профессором Молчановым для того, чтобы проверить работу нашей радиостанции. Он опоздал — радиостанция была уже на три километра выше, на вершине горы.

Маслаев оказался очень славным товарищем и смелым альпинистом. Как и большинство радистов, он был влюблен в свое ремесло. В первый же вечер он установил передвижку и провел к нам в палатку наушники. Ночью мы слышали треск и вой в эфире, но Маслаев уверял, что это НДКА из Москвы передает концерт.

Я послал в нижний лагерь с караваном записку, вызывая наверх Дудина и младшего Харлампиева, уже вполне оправившегося от своей болезни. Я предвидел необходимость организации спасательной партии и хотел заранее сосредоточить в ледниковом лагере всех людей, которые могли для этого понадобиться. На другой же день Дудин и Харлампиев пришли из подгорного лагеря.

Первого сентября выпал снег, превратив теплую солнечную осень в зиму.

Густой туман попрежнему окружал лагерь, видимость колебалась от 10 до 500 метров . В ночь с первого на второе сентября разразился страшный шторм. Порывы ветра, рождавшиеся в ущельи между пиком Сталина и Орджоникидзе, грозили сорвать палатки нашего лагеря.

Ветер разогнал туман, и второго сентября вновь наступила ясная погода. Сверкая свежевыпавшим снегом, пик Сталина вычерчивал на голубом небе свои мощные контуры. Но на вершине стояли «флажки», полотнища снежной пыли. Снежная пыль крутилась в вихря; смерчей. Было ясно, что на вершине продолжает свирепствовать буря и, что наши товарищи попрежнему вынуждены пережидать ее.

К нашему удивлению к вечеру второго сентября на леднике вместе со спускавшимися из лагеря «5.600» носильщиками, показались две фигуры, одетые в белые ватные костюмы, в которых мы узнали штурмовиков. Это оказались Шиянов и Гущин. Усталой походкой, опираясь на ледорубы, с трудом передвигая ноги, они приближались к палаткам. Левая рука Гущина была забинтована.

Прийдя в лагерь, они разделись и легли спать. Шиянов лег в мою палатку. Ночью он бредил, вскакивал и кричал во сне: „крепите веревку, мы ведь должны взять Эверест".

IX

На другой день мы узнали от Гущина и Шиянова о том, что произошло наверху до того дня, когда им пришлось вернуться вниз.

23-го первой веревке не удалось выполнить план. Когда Гущин и Аболаков с носильщиками поднялись! из лагеря «5.600» к лагерю «5.900», они увидели, что передвижкой льда палатки сдвинуты с места и висят над трещиной. Пришлось вырубать для них новое место, что отняло около четырех часов. Когда работа была окончена, было уже слишком поздно, чтобы продолжать восхождение. 24-ое было днем тяжелых неудач. Носильщики, поднявшись до 5-го жандарма, отказались итти дальше. Крутизна скал и вид веревочных лестниц, наводивших на мысль об опасности, испугали их. Уговоры не помогли, Носильщики сложили свой груз у подножья пятого жандарма и пошли вниз. Аболаков и Гущин, положив в спинные мешки палатки для лагеря «6.400» и немного продовольствия, продолжали восхождение. При переходе с 5-го на 6-ой жандарм Аболаков, шедший, как всегда, первым, преодолевая отвесный кулуар, стронул с места камень. Камень полетел вниз, увлекая за собой еще несколько, камней. Гущин, стоявший внизу страхуя Аболакова, пытался увернуться от каменного дождя, но один камень

перебил веревку, которой были связаны альпинисты, а другой упал на левую руку Гущина, которой он держался за скалу. Указательный палец и ладонь были рассечены до кости. Гущин, обливаясь кровью и с трудом сохраняя равновесие, балансировал над пропастью. Аболаков быстро бросился к нему, связал веревку и наложил повязку.

Что было делать дальше? Итти вниз Гущин один не мог. По ребру можно было спускаться только вдвоем. Итти вниз вместе с Аболаковым значило сорвать все восхождение, так как план предусматривал согласованную работу обоих групп. И Гущин с тяжело поврежденной рукой пошел дальше. Поздно вечером, почти в темноте, альпинисты с огромным трудом преодолели шестой жандарм. Наверху, на небольшой скалистой площадке они вбили в скалу крюки, растелили палатку, залезли в нее, привязав себя к крюкам, чтобы ночью не упасть в пропасть, и легли спать.

25-ое было критическим днем восхождения. После настоятельных уговоров, Горбунова, находившегося со второй веревкой в лагере «5.900», носильщики понесли наверх радиостанцию. Исход восхождения, зависел от того, сумеют ли они на этот раз преодолеть ребро. К вечеру Аболаков и Гущин, отдыхавшие в лагере «6.400» от напряжений предыдущего дня, услышали в скалах голоса, а затем с радостью увидели носильщиков, сумевших, наконец, пройти по ребру. Радиостанция была наверху, восхождение могло продолжаться. 26-го вторая группа поднялась в лагерь «6.400». Носильщики вновь заболе\и на высоте,' и их пришлось отправить вниз.

Самая трудная часть пути была позади, но положение было все же очень трудным. Продукты быди на исходе. Их могло хватать только в том случае, если б удалось закончить восхождение без всяких задержек. Между тем стрелка анероида беспокойно металась по шкале, предсказывая перемену погоды. Учитывая это, Горбунов взял на учет продукты и ввел строжайшую полуголодную норму.

27-го Гущин и Аболаков занесли радиостанцию на высоту «6,900» метров и выбрали место для последнего лагеря. Принимая во внимание огромную трудность переноски грузов на высоте, нужно удивляться силе и выносливости этих двух людей, особенно Гущина, который продолжал работать с раненой рукой.

28-го Гетье и Цак спустились к пятому жандарму, захватив с собой оставленные там носильщиками 24-го продукты и вновь поднялись в лагерь «6.400».

29-го все шесть альпинистов поднялись на 6.900 м и установили последний лагерь.

Вершина была близка. В случае удачи ее можно было достигнуть в один день, и все-таки троим пришлось отступить. Гущин уже шесть дней шел с больной рукой. Рука распухла, рана гноилась. Шиянов так и не оправился и чувствовал себя слабым. Цак боялся отморозить ноги в слишком тесных шекельтонах.

Цак, Шиянов и Гущин пошли вниз, причем Цак должен был остаться в лагере «5.900» и при первой возможности подняться с носильщиками и с продуктами вверх по ребру на помощь штурмовикам.

Уходя, Цак, Шиянов и Гущин видели, как Аболаков и Гетье, взвалив на спину разобранную на две части радиостанцию, направились к вершине. Аболаков шел с трудом, для Гетье груз был явно непосильным. Каждые 10-15 шагов он падал в снег, едва переводя дыхание. На некотором расстоянии за ними шел Горбунов.

Цак в тот же день достиг лагеря «5.900». Гущин и Шиянов остались ночевать в лагере «6.400», так как у Гущина нестерпимо болела рука. На другой день они продолжали спуск. Пагода испортилась. Дул сильный ветер, грозивший сорвать альпинистов с ребра. Время от времени набегал туман, в котором трудно было разобрать дорогу. Гущин с раненой рукой шел первым, полубольной, Шиянов шел за ним, страхуя его. То, что этим двум больным людям удалось благополучно спуститься по страшному ребру, надо признать исключительной удачей. Ночь с 31-го августа на 1-ое сентября застала их на маленькой площадке на пятом жандарме. Здесь они

расстелили свои спальные мешки. Шиянов помог Гущину раздеться, и они расположились на ночлег. Ночью шел снег, закрывший своей пеленой скалы жандармов и удвоивший опасность спуска.

Первого вечером Гущин и Шиянов добрались до лагеря «5.900», где их встретили Цак, Нишан и Урами Керим. Цак с носильщиками собирались подняться вверх по ребру, но туман и снег задержали их в лагере «5.900». Второго числа Гущин и Шиянов продолжали спуск и благополучно добрались до ледникового лагеря.

X

Выслушав наших товарищей, мы подсчитали количество оставшихся наверху продуктов и пришли к выводу, что третьего сентября было последним днем, когда можно было надеяться видеть верхнюю группу, спускавшуюся вниз по фирну к ребру. В противном случае надо было считаться с возможностью ее гибели.

В тот самый момент, когда мы вынесли это решение Маслаев, находившийся на нашем наблюдательном пункте на скалах Орджоникидзе, прислал к нам носильщика Абдурахмана с запиской. В этой записке был рисунок горы и на том месте, где находился последний лагерь, стоял крестик: «Здесь сидит, или стоит человек», — писал Маслаев.

Таким образом мы узнали, что по крайней мере один из верхней группы пережил дни тумана и шторма.

Дудин и Харлампиев тотчас же отправились в лагерь «5.600», чтобы во что бы то ни стало заставить носильщиков подняться вверх по ребру с продуктами.

Через несколько времени после их ухода Маслаев прислал вторую записку, в которой писал: «Вижу двух человек, поднимающихся к вершине». Таким образом, в тот самый день, который мы считали последним днем для спуска, штурмовики продолжали восхождение.

На другой день утром 4-го сентября мы видели, как два носильщика начали под'ем из лагеря «5.600» по ребру. Они дошли до лагеря «5.900», и через несколько минут уже не две, три фигурки продолжали под'ем: Цак присоединился к носильщикам. Через несколько времени они скрылись в скалах пятого жандарма.

Целый день мы следили за ребром в бинокль, но сверху никто не спускался. Очевидно, носильщикам удалось подняться в лагерь «6.400». Помощь была подана. На другой день, 5-го сентября из лагеря «5.600» спустился носильщик с запиской, писанной рукой Цака. Первые слова гласили: «…вершина взята, станция поставлена». Седьмого штурмовики вернулись в лагерь и мы узнали от них подробности восхождения.

30-го после того, как Гущин, Шиянов и Цак пошли вниз, штурмовики своевременно поняли опасность надвигающегося тумана. Заблудиться в фирновых полях без спальных мешков, значило наверняка замерзнуть. Они своевременно вернулись в лагерь.

Попытка нести станцию показала, что ее не удастся поднять на вершину. Поэтому, найдя неподалеку от лагеря участок Твердого фирна, Горбунов и Аболаков установили на нем радиостанцию.

31-го туман сгустился, надо было пережидать в палатках. Рискуя заблудиться, Горбунов пошел проверить работу радиостанции. Она не работала. Он принес ее в лагерь, на 20-ти градусном морозе разобрал по частям, нашел неисправности и вновь собрал.

В ночь на 1'ое тяжело заболел Гетье. Сердце не выдержало страшного напряжения при попытке 30-го нести станцию вверх к вершине. Гетье неподвижно лежал в палатке с почти беспрерывной сердечной рвотой. Он не мог принимать ни пищи, ни питья.

В эту ночь температура упала до 45 гр. мороза.

В ночь с первого на второе разразился страшный шторм. Ветер гнал тучи снега по фирновым полям. Снег пластами ложился на палатки. В палатке, где спали Гетье и Горбунов, от тяжести снега сломались стойки, и утром альпинисты проснулись, погребенные под белыми пластами. Аболаков укрепил свою палатку ледорубом и рукзаком. Утром ему удалось вылезть наружу и крышкой от походной кухни откопать своих товарищей. Гетье попрежнему был тяжело болен, Аболаков и Горбунов опасались рокового исхода.

2-го сентября шторм продолжался. 3-го установилась, наконец, хорошая погода. Надо было возможно скорее спускаться вниз. Из продуктов оставалась одна банка рыбных консервов и одна плитка шоколада. В случае, если бы вновь наступил туман, гибель группы от истощения была бы неизбежной. Но Горбунов решил иначе. Он считал необходимых во что бы то ни стало выполнить задание возложенное правительством на экспедицию, и подняться на вершину. Он отлично отдавал себе отчет в риске, с которым было сопряжено дальнейшее восхождение. Но не этот риск останавливал его. Его останавливала необходимость оставить тяжело больного Гетье одного на целый день. Однако, сам Гетье просил их не отменять восхождение из-за его болезни. Этот человек, уже третьи сутки боровшийся в ледяной пустыне со смертью, согласился еще на один день отсрочить спуск в нижние лагеря, где его ждала помощь врача.

В 10 часов утра Аболаков и Горбунов, одев обледеневшие штурмовые костюмы, отправились на последний штурм. Огромные фирновые поля лежали перед ними, поднимаясь крутыми перекатами к вершине. Местами фирн был обточен ветром в правильные геометрические фигуры. На срезах можно было ясно различить годичные слои.

Эти фирновые поля, так же, как и ледники, могли таить в себе опасные скрытые трещины. Поэтому Аболаков и Горбунов шли связанными. И действительно, вскоре они подошли к глубокой трещине, через которую нашли переход по ледяному мостику. Дальше начинался крутой фирновый под'ем. Неверный шаг грозил падением в трещину.

Две маленькие фигуры альпинистов потонули в безграничной белой пустыне. Солнце уже перешло зенит, а вершина, казавшаяся такой близкой, все еще не была достигнута. Путь понемногу становился легче. Трещин больше не было, но давала себя чувствовать огромная высота. Аболаков и Горбунов развязались. Аболаков, боясь, что до вечера не успеет достигнуть вершины, пошел вперед.

Когда он опередил Горбунова на сто метров, последний увидел рядом с Аболаковым самого себя. Горбунов протирал очки, но галлюцинация, вызванная действием высоты на человеческий организм, не исчезала.

Затем Горбунову пришло в голову, что они не успеют добраться до вершины.

«Остановитесь», — закричал он Аболакову, — «надо вырыть в снегу пещеру и переночевать».

И эта мысль была порождена действием высоты. Ночевать без спальных мешков в снегу на высоте 7.000 метров – значило через 10 минут заснуть навсегда.

Не слушая Горбунова, Аболаков продолжал итти вперед. Вершина приближалась. Он достиг пологой ложбины у подножья вершинного гребня и приступил к последнему под'ему. Не рассчитав своих сил, он пошел слишком быстро и в нескольких десятках метрах от вершины — упал в снег. Отлежавшись немного, он поднялся и на четверенках преодолел последние метры пути.

Аболаков стоял на вершине пика Сталина. Безграничная панорама горного мира раскрывалась под ним. Тысячи горных хребтов уходили за границы Китая, Афганистана и Индии. Широкими белыми лентами, расчерченными темными полосами морен, извивались внизу огромные ледники Федченко и Турамус. Белоснежная шапка пика Евгении Корженевской, соединенного с пиком Сталина общими фирновыми полями, была ближе

всех других гор. Небо казалось темно-фиолетовым. Где-то внизу садилось солнце. С востока набегали легкие облака, и фигура Аболакова, освещенная снизу солнечными лучами, бросила на них гигантскую тень. Аболаков поднял руку, его двойник в облаках сделал то же движение.

Аболаков вынул походный альбом и сделал наброски окружающих горных хребтов, вершин и ледников. Оказалось, что пик Евгении Корженевской расположен ближе к пику Сталина, чем это было нанесено на картах. На северном склоне вершины Аболаков нашел выходы скал. Он сложил из камней небольшой тур и вложил в него в консервной банке записку с кратким сообщением о восхождении. Затем, пробыв на вершине около 45 минут, он пошел обратно. Спускаясь вниз, он встретил Горбунова, продолжавшего под'ем. Поднявшись на вершинный гребень и недойдя нескольких десятков метров до вершины, Горбунов заснял панорому и повернул обратно.

Была уже ночь, когда альпинисты вернулись в лагерь. Гетье, опасавшийся, что они заблудились или замерзли, услышал шуршание снега и голос Горбунова — «Вершина взята, ноги целы». Горбунов боялся отморозить ноги, уже немного подмороженные при прошлогодней разведке пути на вершину. Однако, когда он снял шекельтоны, оказалось, что пальцы ног побелели и потеряли чувствительность. Растирание снегом не помогло. Через полтора месяца Горбунову в Ташкенте ампутировали три пальца на левой и два на правой ноге.

На другой день, 4-го сентября установили исправленную радиостанцию. После этого приступили к спуску. Больного Гетье вели под руки. Таким образом можно было добраться до лагеря «6.400». Но спуститься так по ребру было невозможно. Аболаков мог страховать на ребре только одного из своих больных товарищей – или Горбунова, или Гетье. Спуститься же вдвоем и оставить третьего в лагере, не будучи уверенным в том, что удастся вновь преодолеть ребро — было нельзя. Положение казалось безвыходным. Но подойдя к лагерю «6.400» альпинисты с радостью увидели возле палаток трех человек. За полчаса до их прихода, в лагерь «6.400» поднялся Цак с двумя носильщиками и продуктами.

5-го сентября пришлось провести в лагере. Аболаков, накануне ходивший без очков, ослеп. Задержка эта была тем более досадна, что отмороженные ноги Горбунова с каждым днем давали себя чувствовать все сильнее.

6-го продолжали спуск. Аболаков страховал Горбунова. Цак, сам идя без страховки, страховал совершенно ослабевшего Гетье. К вечеру добрались в лагерь «5.600» и седьмого спустились в ледниковый лагерь.

Первым с носильщиками пришел Аболаков. Он шел своей обычной развалистой походкой. Видно было, что он легко перенес нечеловеческое напряжение последних дней.

Через час после него в сопровождении Каплана и Маслаева пришел Горбунов. Он с трудом переступал отмороженными ногами и тяжело опирался на ледоруб. Под глазами у него легли темные тени усталости.

Значительно позже, когда уже совсем стемнело, добрался до лагеря Гетье, которого вели под руку Харлампиев и Дудин. Состояние сердца Гетье было очень плохим. Его сейчас же уложили в палатку, и доктор внимательно принялся за его лечение.

На другой день утром мы стали свертывать лагерь. На большом камне устроили тур и вложили в него аллюминиевую коробку из-под кинопленки с подробной запиской о восхождении.

Маслаев высек на камне две надписи. Первая говорила о жертвах восхождения, в ней были упомянуты имена Николаева и Джамбая. Вторая гласила: «Здесь находился ледниковый лагерь 29-го отряда ТПЭ. Отсюда 22 августа 1933 г . штурмовая группа отряда начала восхождение на высшую вершину СССР пика Сталина, высотой в 7.495 метров . Вершина взята 3-го сентября».

Свернув лагерь, мы тронулись в обратный путь. Горбунов и Гетье ехали верхом. С огромным трудом удалось провести их лошадей через сераки и по крутым зигзагам тропы. Караван двигался настолько медленно, что только часть его к вечеру достигла подгорного лагеря. Остальным, в том числе Горбунову и Гетье, пришлось заночевать на морене ледника Бивачного. В подгорный
лагерь они прибыли на другой день.

XI

На другой день Аболаков, Маслаев, Каплан и я ушли из подгорного лагеря для того, чтобы посетить обсерваторию на леднике Федченко. К вечеру мы добрались до места слияния ледника Бивачного и Федченко и, встретив группу художника Котова, направлявшуюся к пику Сталина, заночевали на краю ледника. Лежа в спальных мешках, мы слушали рассказ Котова о переправе через Сауксай и Сельдару, во время которой погиб один из его спутников—художник Зеленский. Потом величавая красота ночи захватила нас и мы замолчали.

В ярком лунном свете — призрачной громадой высился пик Реввоенсовета, за ним поднималась отвесная стена пика Ворошилова и вычерчивала на звездном небе свой стройный контур сахарная голова пика Орджоникидзе.

На другой день мы тронулись дальше. Выйдя на ледник Федченко, мы, вместо того, чтобы итти вниз к Алтын-Мазару, свернули направо и пошли вверх по леднику. Вскоре мы добрались до промежуточной базы 37-го отряда ТПЭ на леднике Федченко. Эта промежуточная база была расположена между левой боковой мореной ледника Федченко и скалистыми обрывами горы «Стамеска». Здесь на большой площадке была поставлена юрта, в которой жили рабочие. Невдалеке находился покрытый брезентом склад строительных материалов. По узким крутым желобам с отвесной горы время от времени шли камнепады. Большие камни катились вниз, пролетая неподалеку от юрты. Эта промежуточная база называлась «Чортов гроб». И, действительно, трудно было найти более подходящее название.

Материалы строительства доставлялись вьюками на лошадях из Алтын-Мазара до «Чортова гроба». Здесь они перегружались на сани особой конструкции, которые могли передвигаться по средней части ледника, лишенной морены. На санях их подвозили к подножью скалы, на которой строили обсерваторию, и там снова перевьючивали на лошадей.

В юрте у «Чортова гроба» мы застали Слемковского—молодого парня, помощника инженера Блезе, начальника строительства обсерватории. Возле склада мы увидали нашего старого знакомца Колыбая, переправлявшего нас месяц тому назад через Сауксай и Сельдару. Получив от него точные сведения о дальнейшей дороге, мы тронулись в путь. Мы пересекли огромные каменные бугры морены и вышли на обнаруженный лед средней части глетчера. По следам каравана строительства мы стали подниматься вверх по леднику.

Переход по леднику был довольно труден. Палящее солнце растопило лед. Голубые ледниковые ручьи стремительно текли во всех направлениях. Упорно, шаг за шагом, преодолевали мы под'ем по широкой и недвижной ледяной реке. Пейзаж вокруг нас становился все более грандиозен и своеобразен. Огромные хребты по обе стороны глетчера, вершины которых достигали 5,5- 6.000 метров , стояли как бы по пояс в ледяном потоке. Над глетчером возвышались только фирновые поля, крутые висящие ледники, снежные карнизы и скалистые острия вершин.

Вечерело, а обсерватории все еще не было видно. Навстречу нам показалось несколько верховых караванщиков-киргизов. От них мы узнали, что до обсерватории еще около двух часов пути. Неутомимый Аболаков быстро пошел вперед. За ним на некотором расстоянии следовал Маслаев, позади не торопясь двигались Каплан и я.

Вскоре на высокой скале, метрах в 300 над ледником, мы различили в бинокль маленькую ангарообразную постройку. Рядом с ней выделялись силуэты нескольких юрт. Скала была покрыта фирном, по которому и шел под'ем. Уже в темноте мы перебрались через боковую морену и растрескавшуюся часть ледника и оказались у подножья последнего крутого под'ема по фирну. Навстречу нам сверху спустились двое рабочих и один из метеорологов обсерватории, и посланных Аболаковым. Они освободили нас от спинных мешков, фотоаппаратов и винтовок. Не без труда, в полной темноте мы преодолели последний под'ем.

Нас ввели в юрту, служившей кухней и столовой. Вокруг железной печки, на камнях сидело несколько человек. Когда мы вошли, один из них худощавый и бритый встретил нас и вежливо представился: «Инженер Владимир Рихардович Блезе — начальник строительства».

Мы сели на камни возле печки и молча принялись за еду.

Вспышки пламени бросали причудливые блики на бородатые лица людей, сидевших вокруг. В юрте спокойно и мерно текла беседа о завтрашнем рабочем дне. Намечался план, вернее два плана. Один на случай хорошей погоды, другой на случай бурана. В репликах всех этих каменщиков, столяров, плотников чувствовалось прекрасное знание порученного им дела. После ужин нам отвели место в палатках.

Лучи солнца разбудили меня на другой день, я оделся и вышел наружу. Ручей, текший возле палатки замерз. Каблуком я пробил лед и умылся, потом поднялся на верхушку скалы. Я остановился, пораженный грандиозностью открывшегося пейзажа. Ледник Федченко, расчерченный черными продольными полосами срединных морен, простирался под нами. На юге он гигантским закруглением поворачивал влево и скрывался между двумя цепями гор. Этот разворот огромного ледникового потока был, может быть, самым грандиозным зрелищем, какое мне приходилось когда-либо видеть. Шеститысячные снежные вершины окаймляли ледник. Прямо против обсерватории сверкали снежные поля Шпоры. Справа высился ледяной громадой пик Коммунистической Академии, высотой свыше 6,5 тыс. метров. Между Шпорой и пиком Коммунистической Академии лежало огромное плоское фирновое седло перевала Кашал-Аяк таинственного перевала киргизских легенд.

Еще пять лет тому назад все это место было обозначено на картах белым пятном. На этом белом пятне стояла только одна надпись—«Кашал-Аяк». Но рядом с надписью значился вопросительный знак. Киргизские легенды говорили о том, что когда-то киргизы из Алайской долины совершали через этот перевал набеги в цветущую долину Ванча. Затем злой дух набросал на перевал скалы и ледяные глыбы, и перевал стал непроходимым. Киргизские легенды находили косвенное подтверждение: в долине Ванча были обнаружены собаки киргизской породы. Но существовал ли этот перевал на самом деле – никто не знал.

Когда в 1928 г . альпинисты и ученые советско-германской памирской экспедиции проникли через Танымас к леднику Федченко, они увидели на другой стороне ледника широкое седло перевала. Киргизские легенды говорили правду. Они в поэтической форме отображали процесс наступления ледников.

В безмолвие ледяной пустыни вторгался шум стройки. Плотники, столяры и каменщики облепили со всех сторон ангароподобный каркас обсерватории, за- • канчивая обшивку стен.

Под любезным руководством инженера Блезе мы осмотрели постройку. Она отличалась оригинальной и продуманной конструкцией. Все было приспособлено для зимовки в морозах и вьюгах высокогорной зимы. По продольной оси здание разделялось на пять частей. В двух крайних помещались кладовые, склады и силовая станция. В средней—; столовая, кухня и метеорологическая лаборатория. По обе стороны средней части были расположены жилые помещения и ванна, а также фотолаборатория. Кладовые и склады защищали их от наружного холода. Куполообразная форма крыши препятствовала скоплению на ней снега. Балки и стропила постройки были сболтованы из двухметровых отрезков. Иначе нельзя было бы

доставить их к месту строительства через бурные реки Сауксай и Сельдару и через морены и трещины ледника.

Блезе рассказал мне историю постройки обсерватории. Постройка должна была начаться летом 1932 г . Но бюрократизм снабжающих организаций задержал отпуск кредитов до осени. Только в середине октября караван строительства, состоявший из 200 верблюдов, вышел из Алтын-Мазара. Инженер И. Э. Бойков, бывший тогда начальником строительства, хотел во что бы то ни стало забросить до зимы все материалы к месту строительства и приступить к работам. 200 верблюдов перешли обмелевшие Сауксай и Сельдару и растянулись двухкилометровой цепочкой по запорошенным снегом моренам ледника Федченко. Неуклюжие «корабли пустыни», чьи широкие мягкие ступни больше приспособлены к передвижению по пескам, чем по камням, спотыкались, скользили. Передние постепенно сбивали с морены снег и камни и обнажали лед. У задних по гладкому льду раз'езжались ноги. Вскоре стало совершенно ясно, что верблюдам по леднику Федченко не пробраться. Головаколонны достигла «Чортова гроба», остальные отдельными группами расположились на леднике. Пришлось сгрузить все грузы на лед, покрыв их брезентами.

Верблюды были заменены лошадьми. Партии горных лошадей специальной породы, приобретенные в Кашгарии, заменили верблюдов.

Первый караван достиг места стройки 21 октября. В этот же день было выбрано точное место стройки и распланировано.

Вместе со строителями пришли метеорологи, собиравшиеся зимовать на обсерватории. Они немедленно установили свои инструменты и приступили к наблюдениям. 8 ноября начался первый осенний буран, продолжавшийся шесть суток. Бураны следовали один за другим с небольшими перерывами с 21 октября по 4 декабря было только 68 дней, годных для работы.

Строительство вел Блезе, бывший тогда помощником Бойкова. Бойков продолжал руководить самой ответственной частью работы — доставкой материалов. Несмотря на страшной силы вьюги и бураны, он гнал караван за караваном из Алтын-Мазара к строительству. Зимовщики во главе с начальником зимовки Бодрицким, вели регулярные наблюдения, участвуя в свободное время в строительных работах.

Ветер доходил подчас до 30 метров в секунду при 20° мороза, и неоднократно срывал юрты и палатки, в которых жили рабочие и зимовщики строители отсиживались в палатках. Когда ветер немного стихал, раздавался звон колокола, и строители выскакивали из палаток, спеша использовать короткий период затишья. По ночам в буран наблюдалось любопытное явление— свечение атмосферного электричества на острых, обвеваемых ветром предметах: на радиомачте, на ледорубах, на пальцах поднятой кверху руки. Так называемые сен-эльмские огни загорались, как свечи, и горели вертикально, не мигая, только слегка укорачиваясь и удлиняясь.

Выпавший снег настолько затруднял путь, что лошади доходили только до начала фирнового под'ема. Дальше материал приходилось переносить на руках.

Осенью 1932 г . был заложен фундамент здания и установлен каркас. Песок для цемента добывался из морены ледника.

Бодрицкий с товарищами хотел остаться зимовать в юрте, но Средазгимеин правильно решил, что такая зимовка была бы слишко рискованной и предложил зимовщикам вместе со строителями покинуть строительство и вернуться в Алтын-Мазар.

4-го сентября началось труднейшее отступление строителей по ледникам к Алтын-Мазару. Скованные морозом, реки были мелки. Однако при переправе Сауксай снова проявил свое коварство. Где-то наверху прорвался ледяной затор. Хлынувшей волной снесло трех лошадей с очень ценным грузом — фотографическими пластинками.

Из Алтын-Мараза строители отступали по занесенному снегом перевалу Терс-Агар, через Алайскую долину и Тенгизбай на Учкурган.

Зимой 1932- 33 г . инженер Бойков был назначен помощником директора по научной части Ташкентского Института высокогорных исследований. Руководство строительством перешло к инженеру Блезе.

В 1933 г . строительство было развернуто своевременно и к моменту нашего посещения обсерватории подходило к концу.

Десятки раз переправлялись караваны строительства через Сауксай и Сельдару. Но благодаря искусству проводников Калыбая и Керимбая дело обошлось без несчастий.

Бодрицкий снова приехал в качестве начальника зимовки. Вместе с ним на станции оставались еще два метеоролога, радист и служитель.

Не клеилось дело с радиостанцией зимовки. Радист никак не мог наладить ее работу. Пришедший с нами Маслаев целый день возился, разбирая и налаживая радиостанцию.

Пока мы осматривали постройку, неутомимый Аболаков отправился на перевал Кашал-Аяк. Он был уже далеко и казался маленькой черной точкой в сверкающих фирновых полях. К вечеру он вернулся обратно. Одна нога его ниже колена была перевязана носовым платком. На перевале он едва не провалился в трещину и, с трудом удержавшись, поранил о лед ногу.

На другой день яркая солнечная погода сменилась туманом и вьюгой. Горы скрылись за серыми завесами. Только иногда отдельная вершина или глетчер прорывали пелену тумана. Утром мы расстались с гостеприимными строителями и отправились обратно вниз по леднику. Когда мы спустились со скалы и подошли к морене, неподалеку от нас раздался страшный грохот и гул, напоминавший близкую артиллерийскую канонаду. Мы оглянулись: по обрывистому склону горы шел огромный камнепад. Большие камни, целые обломки скал летели сверху из густого тумана и катились, вздымая клубы снежной пыли вниз по осыпи.

XII

Целый день шли мы вниз по леднику Федченко. Вечером в темноте, приближаясь к нашему базовому лагерю, мы увидели в хаосе моренных бугров маленькую сиротливую палатку. В ней мы нашли Горбунова и Гетье, лежавших в спальных мешках. Оказалось, что лошади нашего отряда, измученные двухмесячной работой по ледникам, не сумели дотащить Горбунова и Гетье до базового лагеря, и они остались здесь на ночевку. Наш приход был очень кстати.

Мы усадили их на наших крепких кашгарских лошадок и тронулись дальше. Через час, уже в полной темноте, мы подошли к берегу Танымаса у языка глетчера. На другом берегу пылали костры нашего лагеря. Мы переправились через стремительный поток и попали прямо в гостеприимные об'ятья М.В. Дудина.

Обратная переправа через Сауксай и Сельдару в Алтын-Мазар не представляла особых трудностей. Реки сильно обмелели, количество русел сократилось. В Алтын-Мазаре мы встретили гляциологический отряд В. И. Попова, собиравшийся переправляться на ледник Федченко для научной работы.

В маленьком, заброшенном в горах кишлаке Алтын-Мазаре мы организовали первое торжество в ознаменование нашего восхождения на пик Сталина. Был устроен спортивный праздник, в котором принимали участие наша альпинистическая группа, местные киргизы и бойцы, находившегося здесь взвода пограничной охраны. По окончании праздника были розданы призы и премии нашим носильщикам.

Наши больные понемногу поправлялись. У Гущина опухоль руки становилась меньше и рана затягивалась. Сердце Гетье постепенно приходило в норму, и только Н.П. Горбунов все

больше страдал от своих отмороженных пальцев. Пальцы почернели, развивалась сухая гангрена.

После трехдневного пребывания в Алтын-Мазаре мы двинулись дальше, вновь прошли Терс-Агарское ущелье, пересекли Алайскую долину и остановились в Дараут-Кургане.

В течение двух дней мы пользовались гостеприимством добротрядцев. По просьбе начальника отряда Козы-бая Шамсудинова, я сделал небольшой доклад о нашем восхождении, с большим интересом выслушанный бойцами отряда.

В Дараут-Кургане мы ожидали автомобилей Таджикско-Памирской экспедиции, которые должны были пройти без дорог всю Алайскую долину.

И действительно, 22 сентября, на левом берегу Кзыл-Су показались три наших грузовика. Мы распростились с добротрядом, переправились через реку и сели в автомобиль. Обратный переход по Алайской долине замял два дня.

Не доезжая нескольких десятков километров до шоссе, мы увидели белые палатки зерновой экспедиции Среднеазиатской зерновой опытной станции. Неподалеку тракторы бороздили необ'ятный простор степи.

Экспедиция ставила в Алайской долине опыты посева пшеницы, овса, гороха, чечевицы, ячменя, бобов, картофеля. Впервые делалась попытка использовать огромный земельный фонд Алайской долины для рационального земледелия. В западной части долины удачно привилась пшеница. Эти опыты имеют огромное значение. Если удастся создать в Алайской долине зерновое хозяйство больших размеров, будет разрешен вопрос снабжения Памира своим хлебом.

Работники экспедиции показывали нам снопы пшеницы, вызревшей в Алайской долине. Мы покинули станцию, через несколько часов выехали на шоссе. Быстро мчались наши автомобили по горным ущельям и зигзагам перевалов. На второй день на горизонте показались легкие контуры Сулейман-баши, и к вечеру 25 сентября мы в'ехали в ворота нашей Ошской базы, которую покинули почти три месяца тому назад.

Экспедиция была окончена.

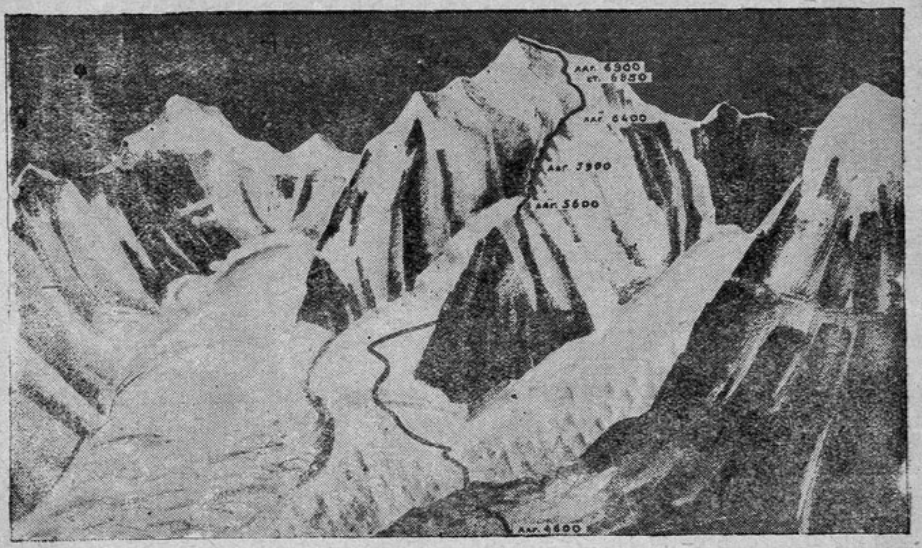
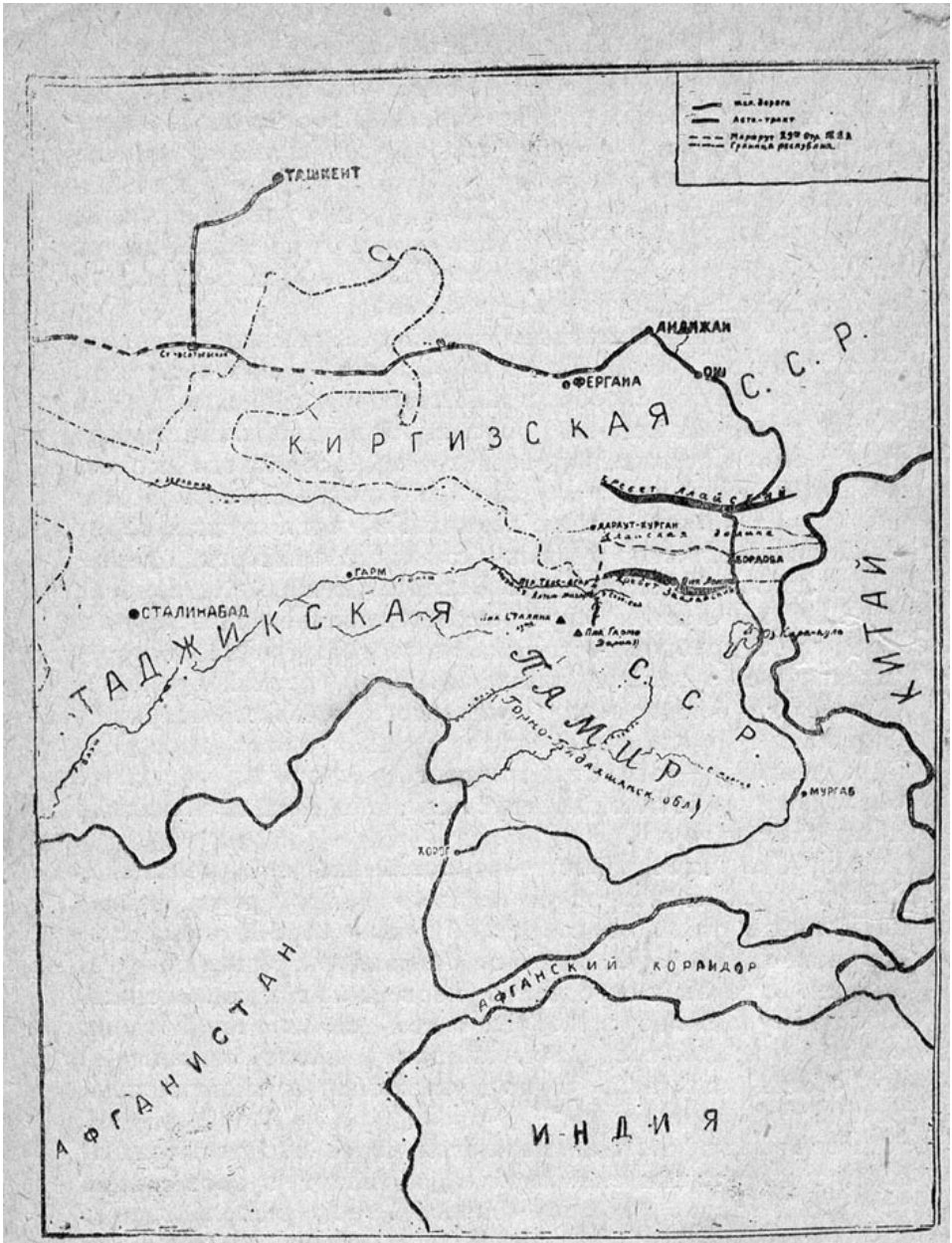
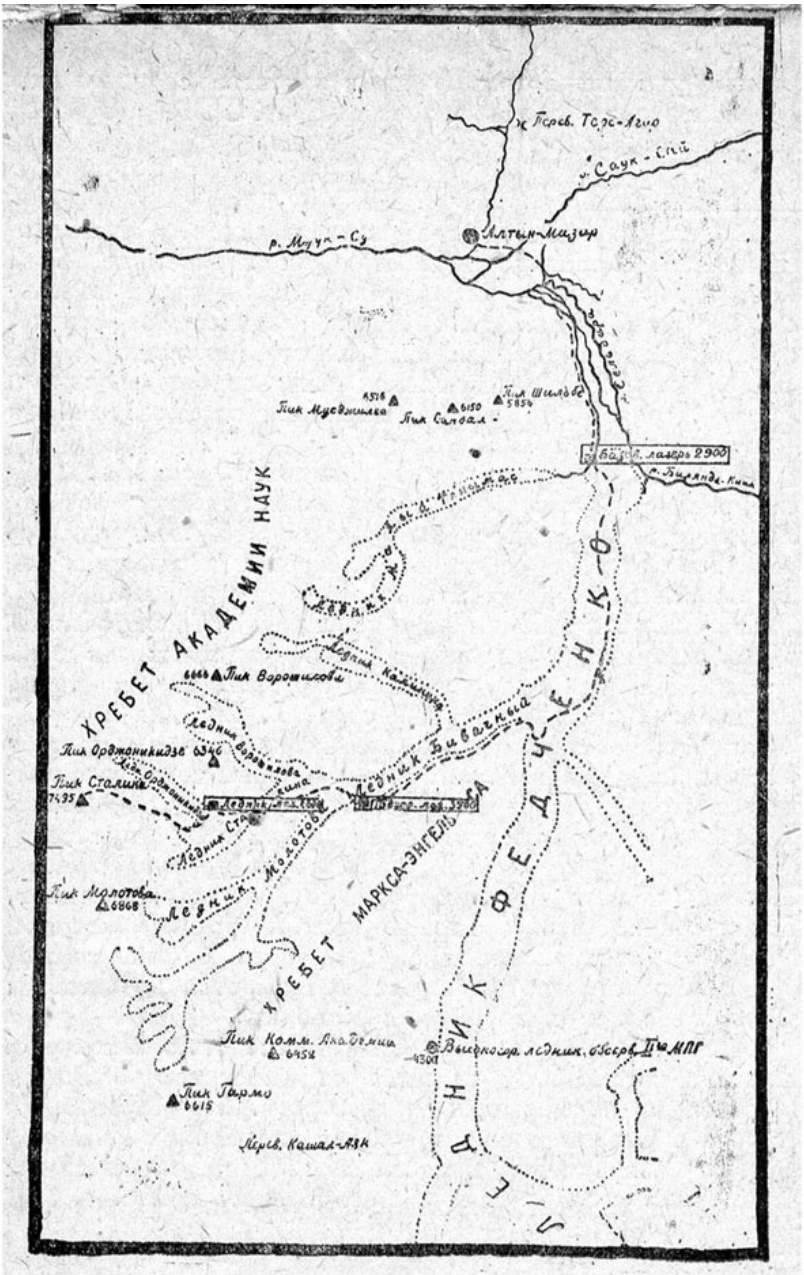

Схема пика Сталина с маршрутом к вершине и расположением лагерей

Путь 29-го отряда ТПЭ

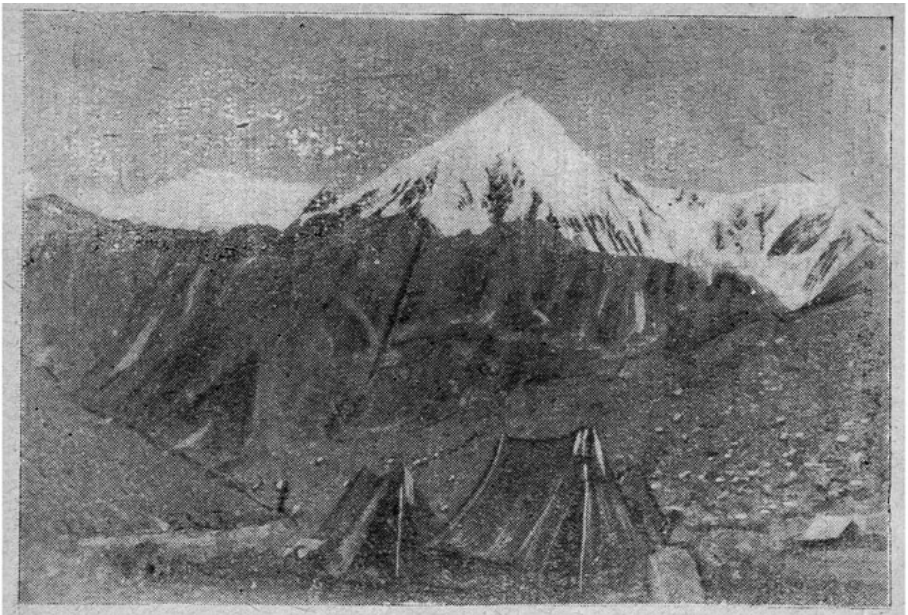
Путь 29-го отряда ТПЭ

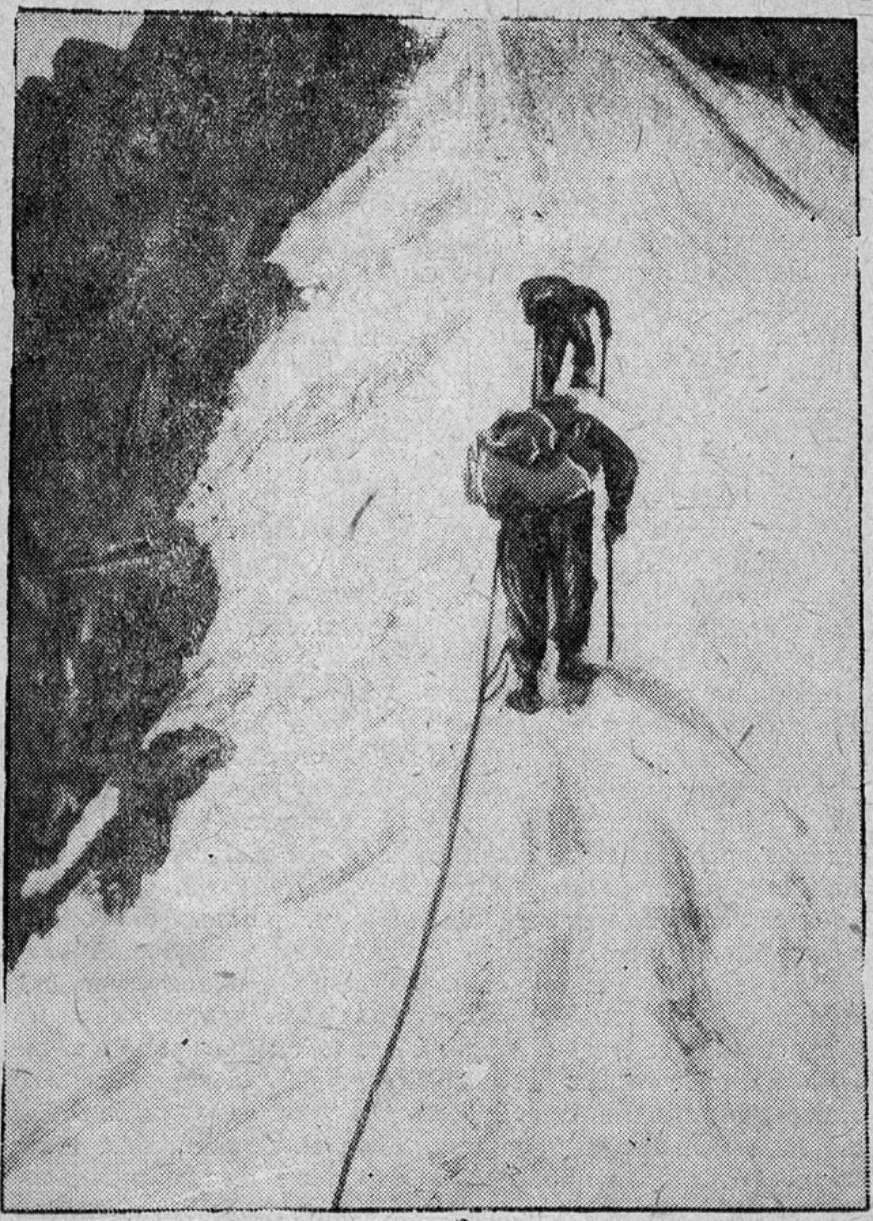
Переправа через Сельдару

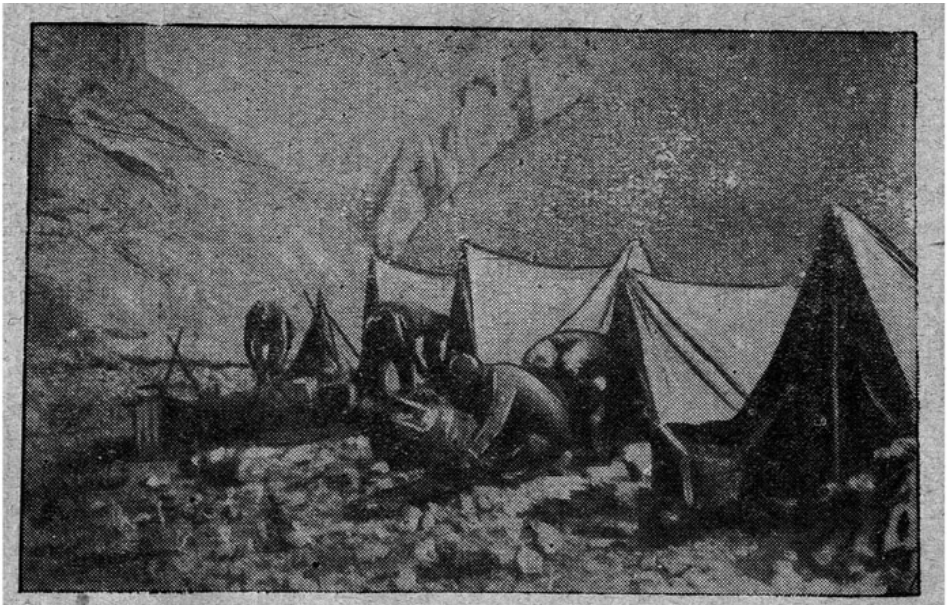
На втором жандарме

Пик Орджоникидзе и пик Сталина из подгорного лагеря

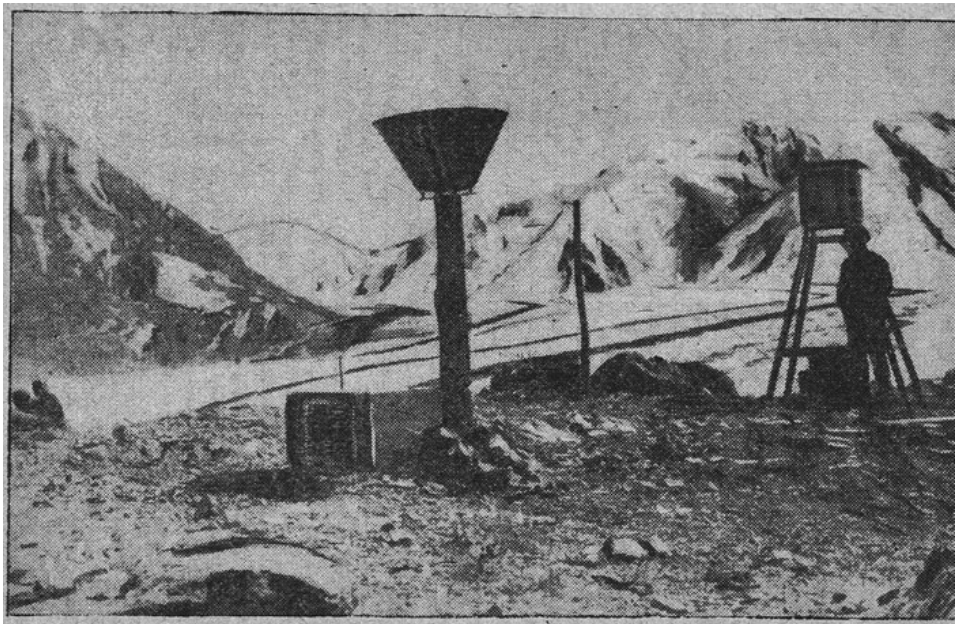
На ребре между жандармами

В подгорном лагере

Обсерватория на леднике Федченко

Метеорологические приборы и вид на ледник Федченко

ЦЕНА 80 К.

